ГАЛИНА РОМАНОВА

ЗАПОВЕДНИК ПОТЕРЯННЫХ ДУШ

Галина Владимировна Романова

Заповедник потерянных душ

Серия «Детективы Галины Романовой. Метод Женщины»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29830555
Заповедник потерянных душ. Роман: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-094749-2

Аннотация

Полузаброшенный заповедник издавна пользуется у окрестных жителей дурной славой. Лет десять назад там пропадали люди, преимущественно бомжи. И вот снова в полицию поступает информация о том, что там пропали две пожилые женщины, которые поехали утром по каким-то делам, но к вечеру так и не вернулись. Как утверждают родственники исчезнувших, женщины собирались искать на территории заповедника жениха одной из них, который несколько дней назад отправился туда и больше не вышел на связь…

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 16
Глава 3 25
Глава 4 36
Глава 5 48
Глава 6 59
Глава 7 75
Глава 8 88
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Галина Владимировна Романова
Заповедник потерянных душ
Роман

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Романова Г. В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Глава 1

Звук собственного дыхания оглушал его. Из-за него он вообще ничего не слышал! Ни хруста сухих веток под ногами, ни криков за спиной. Еще несколько минут назад они раздавались сзади и чуть слева, и вдруг сделалось тихо. И ничего, кроме дыхания.

Дыхание было хриплым, тяжелым, прерывистым. Воздух выходил из легких со странным бульканьем, обдирая гортань и рот и оставляя после себя жгучую боль. Он точно знал, что организм человека на семьдесят процентов состоит из воды. Диво дивное! Какая вода? А как же кости, мышцы? С этим как быть? Их в его организме наверняка больше, чем тридцать процентов. Он весь состоит из костей и мышц, жира ни грамма. И воды тоже теперь не осталось. Те капли, что булькали сейчас в его пересохшем горле, наверняка были последними.

А может, это кровь?! Может, его сильное тело не справилось с чудовищной нагрузкой и разваливается теперь, обливаясь кровью? И он упадет сейчас прямо здесь, посреди густого ельника, на нехоженой тропе. И издохнет, как загнанное животное. И его преследователям даже не придется ничего делать с ним. Не придется его добивать.

Он привалился к шершавому стволу высокой корабельной ели. Обнял его, прижался лбом к пахучей коре, вздох-

нул глубоко раз, другой, третий. Боль из груди никуда не делась. Она подобно коварной змее обвила его позвоночник и поползла к пояснице.

Только не это, Господи! Только не это! Если схватит поясницу, он пропал! Надо идти. Нельзя останавливаться. Остановка – это гибель.

Он с силой зажмурил глаза и на краткий миг перестал дышать, чтобы слышать что-то еще, кроме предательского бульканья в груди.

Этот участок леса почти не был обитаем, он был крайне запущен: поваленные сгнившие деревья, непроходимые заросли колючего кустарника. Выбор был сделан неспроста. Здесь сложно было наткнуться на случайного свидетеля. Редкое глупое зверье не в счет. Он должен был до рассвета пробраться через все эти заросли и выйти к дороге. Там спасение. Таковы условия. До дороги оставалось совсем немного. Он точно помнил, где должен был повернуть. Там должен был быть ручей. Он петлял по дну глубокого оврага. Но его не оказалось в том месте, где он повернул. Ни оврага, ни ручья. Он выбежал в ельник. Ельника не было на карте, которую он долго изучал, прежде чем пуститься в это сомнительное путешествие. Он заблудился?

Да, он заблудился. И сбил со следа своих преследователей. Он слышал их голоса какое-то время за своей спиной, а потом они исчезли. Потому что – что? Правильно. Потому что они все побежали тем маршрутом, которым должен был

бежать и он. Таковы условия.

Он сбился с пути и нарушил условия. А за этим должны были последовать наказания. Его предупредили. Правда, не уточнили, что это будут за наказания. Он не стал выяснять, поняв по блуждающей ухмылке человека, зачитывающего ему условия, что правды он не услышит.

Как быть? Вернуться? Надо было вернуться назад. К тому месту, с которого он оторвался от преследования. Густой кустарник, подковой обогнувший нужную тропу. Именно там он сбился с пути и повернул не туда. Не туда, куда диктовали условия его контракта. Именно поэтому его все еще не догнали. Именно поэтому он все еще жив. Стоит, тиская шершавый ствол высокой корабельной ели, и дышит. Дышит, слышит, живет.

Вдруг накатили слабость и раскаяние. Не надо было ему во все это ввязываться. Зачем?! Что хотел доказать? Что он все еще силен и может запросто, на спор, отжаться от пола сто раз? Что чего-то стоит? Что может просто так зараз заработать кучу денег?

Идиот! Состарившийся, свихнувшийся от алкоголя неудачник, который все еще не растерял прежних амбиций. Амбиций спортсмена, когда-то бравшего призы. На этом его и поймали. Просто подслушали, как он хвастается перед собутыльниками, и поймали, ловко расставив сети.

Он открыл глаза и всмотрелся в еловую чащу. Нигде никакого движения. Ни треска сучка под ногами, ни шуршания

высохшей травы. Его преследователи отстали. Они потеряли его. Это факт. Но и сам он потерялся. Лес был огромным. Куда дальше следовало идти, он не имел ни малейшего понятия. А идти надо было. Надо было выбраться из ельника, вернуться к тому месту, где он неправильно свернул. Осторожно пробраться вдоль ручья до дороги. И там уже объявить себя победителем. И даже если они все уже там и ждут его, в бессильном бешенстве щелкая затворами, он все равно их сумеет обойти. Он победит!

И он пошел. Медленно, осторожно, прислушиваясь к звукам ночного леса после каждого сделанного им шага. Постепенно дыхание выровнялось, зрение обострилось настолько, что он стал различать силуэты деревьев в паре метров от себя. Походка сделалась плавной, будто тело обрело прежнюю гибкость. Он повеселел. У него все получится! Он справится! Ему бы только попить, саднящая боль в гортани и во рту не прошла. Ему бы только…

Он сделал еще пару шагов, раздвинул колючие ветки кустарника, еще шагнул и неожиданно больно ударился лбом обо что-то.

– Черт! – прошептал он едва слышно.

И принялся ощупывать ладонями неожиданно возникшее перед ним препятствие. Забор! Это точно был забор. Из неструганых бревен. Высокий, его рука не дотянулась до края, а в нем роста было метр восемьдесят восемь. Что за забор? Его точно не было на карте, которую он изучал.

Что выходит?

Видимо, он окончательно заблудился и вышел на какую-то заброшенную заимку, потому что не было слышно собак. А они бы его сто процентов учуяли. Он не принял душ перед стартом, и от него разило, как от…

Неважно. Если бы это была обитаемая заимка, тут бы были собаки. И они подняли бы лай, когда он уперся лбом в забор. Да еще и раньше бы они его почуяли. Еще когда он крался сквозь кустарник.

И он точно заблудился. На карте не было ничего похожего на заброшенное строение, обнесенное высоким бревенчатым забором.

Или карта, которую ему подсунули, была липовой. И его с самого начала гнали в западню, как зверя. А загнав, убили бы. А он, идиот, купился на сладкие улыбки. На заверения, что все это – лишь спорт и ничего более. Если он выигрывает, он получает кучу денег, потому что делались ставки. Если проигрывает, то…

– То денег ты не получаешь, брат, – развел руками менеджер, который заключал с ним контракт.

– А если я нарушу правила, то о каком наказании речь? – Он ведь уточнял, точно уточнял, подписывая.

– Наказание? – Менеджер сладко улыбнулся и невнятно пробормотал. – На милость победителя…

Уточнять было бесполезно. Он и не уточнил. Но крайне удивился, когда обнаружил команду преследователей с бое-

вым оружием и настоящими арбалетами.

– А это зачем? – спросил он, завязывая шнурок на старых спортивных кроссовках, которые еле отыскал в своем гараже. – Вы же не станете в меня стрелять?

– С ума сойти! – закатил глаза один из них, самый молодой, самый стройный и самый высокий. – Не стану же я из-за тебя в тюрьму садиться! Это для реалистичности, друг мой. Для реалистичности картины.

Он ему поверил, и зря. Потому что в процессе погони пару раз мимо его головы свистели самые настоящие пули. Он мог поклясться, что они были настоящими. Он не мог выдумать, потому что не пил перед забегом почти неделю. Ну не совсем неделю. Три дня. Ну или два.

Забор закончился неожиданно. Огромным выломанным проемом. Выломано было варварски, зверем или человеком – оставалось только догадываться. Он шагнул в этот трехметровый проем и сразу увидел дом. Небольшой бревенчатый сруб с провалившейся крышей. Окна смотрели на него черными пустыми провалами. Входная дверь оказалась распахнутой настежь.

Он правильно решил, что это заброшенная заимка. И на карте ее точно не было. Ночь, погоня, непроходимый лес сделали свое дело. Он ушел далеко от оврага, по дну которого бежал ручей, который должен был вывести его к дороге. Очень далеко.

Он обошел дом. Нашел полную воды кадку под сливной

трубой. Опустил в нее лицо и долго глотал ледяную безвкусную воду. Потом вымыл лицо, руки, шею. Застегнул до капюшона ветхую осеннюю куртку и пошел в дом.

Под ногами поскрипывало от мусора, пахло мышами и сыростью. Он обошел пустые комнаты – их было три. Зашел в кухню. Скорее угадал, чем рассмотрел широкий самодельный стол, две скамьи вдоль стен. Пустые кухонные полки. Тумбочка с тремя выдвижными ящиками. Он дернул верхний, сунул туда руку, пошарил. Нашел коробок спичек, скомканную бумажную пачку окаменевшей соли, две сложенные вчетверо газеты. Второй ящик был пуст. В третьем обнаружился нож. Настоящий охотничий нож. Правда, очень старый, с растрескавшейся деревянной ручкой и поржавевшим широким лезвием. Это было все, что он нашел в заброшенном доме. И это все он рассовал по карманам. Потом снова прошел по комнатам. Остановил свой выбор на самой дальней, самой маленькой, с узким окном, сел в угол напротив двери, вытянул ноги и закрыл глаза.

Он провалился в сон мгновенно. И так же мгновенно очнулся. От холода, мышиного шуршания, неясного света раннего утра. Очнулся, медленно поднялся на ноги и начал разминаться, чтобы согреться.

Взмах руками: раз, два, три, четыре. Приседания, через каждое третье – прыжок на месте. Махи ногами. Резкие повороты туловищем. Надо же, тело не забыло. Тут же отозвалось бурным гоном крови по венам. Он согрелся. Повеселел.

Понял, что жутко проголодался и полез в карман за комком соли, который ночью вытащил из ящика тумбочки.

Соль способна сохранить влагу в организме, это он точно знал. А это лишние силы, лишнее время, которое он должен выиграть у своих преследователей. Он облизывал окаменевший соляной кусок, прислонившись спиной к стене в том углу, где проспал несколько часов до рассвета. И слушал лес. Сначала было тихо. Очень тихо. А потом…

Отчетливо зашуршала высокая высохшая трава, которую тут никто давно не косил. Треснул сук. Это могло быть животное, которое подкрадывалось к легкой добыче в полуразвалившемся доме? Да, могло. Но это могли быть и люди. И этот треск. Это мог быть щелчок затвора. Или все же трещит валежник под копытами лося? Или?..

Лихорадочные скачки его трусливых мыслей были прерваны громким криком с улицы:

– Эй, старик! Выходи! Мы знаем, что ты здесь!

Старик?! Почему старик? Ему же всего тридцать семь лет! Тридцать восемь через неделю. Надо же, как отчетливо вспомнилось! Он уже года три не праздновал свой день рождения. Как его списали, так он и умер. Если умер как спортсмен, считал он, значит, умер и как человек. А если умер, то к чему праздновать день рождения. Так ведь?

Они его с кем-то перепутали! Он не старик. Он еще молод и достаточно силен, раз с такой легкостью их всех обставил. Он сейчас выйдет и скажет им, что они ошиблись.

– Выходи, а то мальчик будет стрелять! – раздался еще один крик, сопровождаемый диким гоготом и улюлюканьем сразу нескольких мужских голосов. – Выходи, мы знаем, что ты здесь, старик!

Да, он не брит. Стригся очень, очень давно. И одет он грязно, но он точно не старик. И он…

Он не успел додумать. Сразу с нескольких сторон принялись стрелять. Запахло порохом и паленым деревом. Пули вгрызались в старые бревна сруба, догадался он. Упал на пол, прикрыл голову руками и попытался сосчитать стволы. Насчитал четверых. Два автоматчика. Двое стреляли из ружей. Хороших ружей, с хорошей убойной силой. Он в этом смыслил. Когда-то.

Они его убьют, понял он еще через минуту. Они не для того всю ночь бегали по лесу, злились, задыхались от усталости, чтобы отпустить его живым. Он не должен был остаться живым по условиям контракта. Просто об этом в нем не было прописано. Он – дичь. И они его убьют, как только до него доберутся.

– Хорош, мужики. Пойду гляну, что там с нашим туловищем, – прокричал кто-то резким высоким голосом. – Смотрите, не отстрелите мне зад, пока я наше туловище разыскиваю.

После оглушительного смеха на какое-то мгновение стало тихо. Потом он услышал тяжелые шаги. Человек с резким высоким голосом шел по сухой высокой траве убедиться в

том, что дичь мертва. А если нет, то собирался добить ее.

Охотник споткнулся о нижнюю вывернутую ступеньку, чертыхнулся. Он сам тоже ночью об эту ступеньку споткнулся. Не споткнуться было невозможно. Шаркающая поступь по доскам полуразвалившейся веранды. Потом хруст мусора под подошвами. Охотник вошел в дом.

– Э-э-эй, где ты, чудище? – чуть ниже и не так пронзительно проговорил мужчина, идущий его добивать. – Притаился? Или сдох? А мы знаем, что ты здесь. Небось подумал, что мы упустили тебя? Ан нет. Мы с самого начала следили за тобой с воздуха. Тепловизор! Слыхал о таком? Нет? И неудивительно. Ты же побирушка, неудачник, о чем ты можешь знать! Вот и не знал, что мы с тобой играли. Ээ-эй, где ты, старичо-ок?

Все! Человек, явившийся его добить, медленно обошел все комнаты, и теперь приближался к той, где он прятался.

– Гм-м… – кашлянул охотник на самом пороге самой дальней, самой маленькой комнаты. – И где ты?

Он стоял справа от дверного проема, прижавшись всем телом к старым бревнам брошенного дома. Он все правильно рассчитал: он должен стоять справа, потому что он правша. И понимал, что напасть должен стремительно, не дав охотнику опомниться, лишив его возможности крикнуть. Охотник не мог его видеть из дверного проема, потому что еще не вошел в комнату. И это давало крохотное, но все же преимущество.

– Ээ-эй, где ты, чудище лохматое?

Тупые носы высоких армейских ботинок сунулись в комнату как раз в тот самый момент, когда он произнес:

– Я здесь.

И с силой выкинул руку с зажатым в ней старым охотничьим ножом.

Глава 2

– Я не пойму, Леша, никак тебя не пойму! – возмутилась громким шепотом его жена Лариса, сидя с ним бок о бок на скамеечке в старом сквере по соседству с их домом. – Тебе что, не нужны деньги?

– Мне? – Он ткнул себя пальцем в грудь, прямо в центр выцветшей надписи на английском на старой вылинявшей футболке. – Мне лично – нет. Мне деньги не нужны. Мне хватает зарплаты.

– Зарплаты?! – прошипела Лариса, неестественно вытягивая шею и поворачивая голову в его сторону. – Ты имеешь в виду свою зарплату?! Те жалкие тридцать тысяч, которые ты приносишь раз в месяц десятого числа?!

– Именно. И тридцать тысяч – нормальные деньги, Лариса. Нам их всегда хватало. До того, как ты решила…

И он скосил взгляд на детскую коляску, в которой спал их ребенок. Их третий ребенок!

– А! Поняла! Ты снова напоминаешь мне, что был против Тошкиного рождения. Что третий ребенок в нашей квартире нас стеснил невероятно, что…

– Заткнись, Лариса, – попросил он миролюбивым вполне тоном. – Заткнись, или я уйду.

– Куда уйдешь?! – В ее округлившихся глазах нежнейшего голубого оттенка заплясал страх. – От меня, в смысле?

Бросишь меня одну с тремя детьми?!

– Домой уйду, дуреха. – Он положил ей руку на плечо и тихонько сжал. – Ты можешь молчать хотя бы на улице? Неужели не понимаешь, как ты меня достала, Лора? Ну не могу я найти работу с заработком в сто тысяч. Нет ее в нашем городе. И подработку взять не могу. Работаю пять дней в неделю. Да и попробуй ее найди, подработку!

– Другие находят, – огрызнулась она тихо. Но его руку прижала щекой, склонив голову к плечу.

– Допустим. Допустим, найду. Стану работать семь дней в неделю по двадцать часов. Дома ты меня видеть совсем перестанешь. Тебе от этого станет легче? Одной с тремя детьми? Кто со старшими станет делать уроки? Кто будет водить их в школу? Возить вечерами на тренировки? Все забросить ради лишней десятки? Лора! Что замолчала?

Она сосредоточенно рассматривала подол джинсового сарафанчика, который покупался еще к рождению их первенца. Десять лет назад. Сарафанчик от частых стирок совсем вытерся, но смотрелся от этого не хуже. Даже стильно смотрелся. Кому как, а ему лично нравилось, как он сидит на его жене, фигуру которой три беременности и роды совсем не испортили.

– Вот купим тебе новый джинсовый сарафанчик. Наденешь ты его. Станешь от этого счастливее?

– Нет, – мотнула она головой, принявшись катать детскую коляску туда-сюда. – Не хочу сарафанчик.

– А что хочешь? Ради чего я должен вас бросить и начать судорожно зарабатывать бешеные деньги?

Он тронул ее затылок. Пощекотал пальцами нежную впадинку, прошагал выше – к тугому пучку, в который она закручивала волосы, чтобы не морочиться с прической.

А раньше заморачивалась, и еще как, неожиданно вспомнил он ее замысловато уложенные локоны. Красиво было. Но было все до замужества. До того, как Лариса стала матерью.

– Машину хочу, Леша, – вдруг проговорила Лариса со странной жалобной интонацией. – И дачу за городом. Чтобы мы могли с детьми там выходные проводить.

– Машину?! – протянул он нараспев и тут же убрал руку себе в карман джинсов. – Машину?!

– Машину, – кивнула она, без устали дергая детскую коляску туда-сюда.

– Какую машину, Лора? Какую машину? – возмутился он, зло фыркая. И вдруг взорвался: – Да перестань ты уже дергать коляску! Малыш спит и без того!

– Если его не катать, он проснется, – возразила Лариса, и снова жалобным голосом: – Мне все равно, какую машину, Леша. Все равно. Лишь бы она ездила. Чтобы это была машина, а не та рухлядь, что стоит у тебя в гараже. Лишь бы она нас везла с детьми на речку, в лес.

– На дачу, – закончил он за нее, передразнив ее интонацию.

– И на дачу тоже. Я цветы хочу посадить, Леша. Розы.

Петуньи. Лук хочу посадить. Укроп и огурчики. Чтобы мы под яблоней ужинать садились за деревянным столиком. Все вместе. Всей семьей. Я не хочу новый сарафанчик, Лешка. И шубу норковую не хочу. Мне и в пуховике неплохо. Но вот машину и дачу…

Она уронила руки себе на коленки, оставив наконец коляску в покое. Глянула на него со смесью мольбы и злости. И повторила:

– Машину хочу, Леша, и дачу. Хоть в одно окошко! Это много, да? Многого хочу, да?

– Нет. – Он мотнул головой. – Наверное, нет.

Взгляд его тут же, как заговоренный, переместился на угол их дома, к крайнему подъезду. С той скамейки, на которой они сидели, он превосходно просматривался.

В этом подъезде жила супружеская пара. Не старые еще. Чуть за пятьдесят обоим. Но!

У него были парализованы ноги, а она страдала сахарным диабетом. Он передвигался на инвалидной коляске. А она уже несколько лет не слезала с иглы, колола инсулин. Он ей колол, потому что она сама боялась.

Она возила его повсюду в инвалидной коляске, а он ей колол инсулин. И все, что они хотели в этой жизни, это уйти из нее вместе. В один час, в одну минуту.

– Большего у Бога не прошу, – рассказывала она как-то Леше, встретившись с ним в парке, где он гулял со старшими детьми. – Чтобы вместе, в один час, в одну минуту. Разве я

так многого хочу?

Вот и попробуй рассуди: чье желание правильнее.

– Хватит философствовать, – прошипела Лариса с яростью и снова схватилась за ручку детской коляски. – Вижу твой взгляд! Вижу! И понимаю, что все в этой жизни плачут. У кого денег на хлеб не хватает, а у кого жемчуг мелкий. Но мне плевать, понимаешь? Плевать на всех остальных. Есть только мы. Наша семья. И я хочу, чтобы у нас было хоть что-то. Хоть что-то свое!

Существенное дополнение.

Машина-то у них была. Хорошая. Новая. Иномарка. Правда, принадлежала она Ларисиному отчиму. И он мог брать ее у них в любое удобное для него время. И очень часто это удобное для него время совпадало со временем запланированного Ларисой досуга. И дачей отчим разрешил им своей пользоваться. Только часто и сам там появлялся в компании сомнительных личностей. Личности напивались, орали песни, некоторые некрасиво выражались, некоторые лезли на грядки с помидорами, которые Лариса холила и лелеяла.

Она, понятное дело, бесилась, но отчитать отчима не могла. Он и так вел себя по отношению к ней более чем лояльно, и деньгами помогал, и подарки дорогие дарил детям. И это после того, как мать Лоры его бросила и укатила в Грецию с новым мужем.

Можно ли тут возмущаться? Отчим Ларису не бросил.

Помогал. Помогал как мог.

Лично Алексею этот мужик совершенно не нравился. И он принципиально не садился за руль его машины. Водила всегда Лора. И на дачу его не любил ездить. И подарки от него не любил принимать. Считал, что детей это балует и развращает. Лариса если и соглашалась с ним, то никогда не говорила об этом вслух.

И вдруг дачу она хочет, да в одно окошко! И это при том, что у отчима за городом двухэтажный особняк. И машину хочет свою, путь даже и не дорогую, лишь бы ехала. И это после новенькой иномарки с кучей всяких наворотов и четырехзонным климат-контролем?

Что-то не то. Что-то случилось.

– Вы поругались, Лариса?

Она не ответила, резко поднялась и наклонилась к спящему в коляске младенцу.

– Лариса, вы поругались с Виктором?

– Нет, – скорее угадал, чем услышал он.

– Тогда чего ты так… – Он поискал подходящее слово. – Чего тогда тебя так плющит?

– Хочешь знать?

Она выпрямилась, встала перед скамейкой, на которой он планировал спокойно посидеть в свой выходной день. Высокая, стройная блондинка с изумительной голубизны глазами и шикарной грудью. Она всегда была его мечтой, его любовью. С первой минуты, как увидел. Сейчас, спустя десять

совместно прожитых лет, ничего не поменялось. Он все так же любил ее. И считал самой красивой. Даже в этом стареньком вытертом джинсовом сарафанчике. Даже с этой странной прической, которая ей не очень шла.

Она была его женщиной. Он ее очень любил. Понимал не всегда, но любил точно только ее.

– Ты действительно хочешь знать, с чего вдруг я завела этот разговор? – Она покусала губы, подняла руки, потрогала тугую прическу, будто она могла растрепаться.

– Хочу. – Он кивнул и улыбнулся ей. – Ты красивая, Лорка. Ты знаешь об этом?

– Заткнись, – потребовала теперь она. – Не перебивай.

– Ок. Говори. Из-за чего вы поругались с отчимом? Он что, снова собирается сегодня вечером забрать машину?

Вечером они собирались с детьми поехать на дальний луг, где Леша должен был запускать со старшими бумажного змея. Это был целый ритуал, к нему готовились. Этого ждали. Потому что это было событием. Отменить его было нельзя.

– Он собирается забрать меня, Леша! – выпалила она как-то слишком быстро и громко. Кто-то, проходивший мимо, даже обернулся на них.

– Как это?

Он часто заморгал, потому что сделалось как-то темно, хотя солнце никуда не подевалось, и оно точно палило в макушку.

– Как это, Лариса, забрать тебя? Что значит, забрать тебя? Я не понял!

– Он сделал мне предложение, Леша. – Лариса молитвенно сцепила пальцы, но взгляд стал жестким, незнакомым.

– Какое предложение, Лора?!

Солнце пекло так, что футболка на спине промокла насквозь. И во рту сделалось сухо и горько. И отчаянно захотелось очутиться дома. В их просторной четырехкомнатной квартире, доставшейся Леше от бабушки.

Квартира была огромной, удобной, пусть и без модной мебели и дорогого ремонта. Зато там прохладно было летом и жарко зимой. Зато там можно было детям кататься по коридору на велосипеде. И играть в прятки. И громко смеяться, не боясь разбудить малыша, потому что он спал в самой дальней комнате, а стены были такими толстыми, и звуки совершенно…

– Он сделал мне предложение, от которого сложно отказаться, Леша, – выпалила Лариса и зачем-то притопнула ногой.

– И? – Он, как она давеча, неестественно вытянул шею.

– Он хочет, чтобы я стала его женой. Он сказал, что давно уже любит меня. Любит не как дочь и…

Она что-то долго и неправильно говорила потом. Пока стояла перед ним, сидящим на скамейке в старом сквере по соседству с их домом. Пока они шли домой, пытаясь подальше друг от друга отодвинуть руки на ручке детской коляски.

Пока купали малыша – вместе, как обычно.

Лариса все это время говорила и говорила. И все ее слова, все ее рассуждения, восклицания, казались Леше такими глупыми, такими дешевыми, такими неубедительными! Продажными даже. И он не выдержал и спросил уже ночью, когда малыш уже спал, и они сами улеглись каждый на свою половину широкой старинной бабкиной кровати:

– Ты этого хочешь?

– Чего? – Она вздрогнула, уставила на него затравленный взгляд.

– Ты хочешь за него замуж, Лора? Отвечай только правду. – Леша приподнялся на локте, поймал блеск ее глаз. – Только правду, Лора! Ты хочешь за него замуж, потому что он богат?

– Нет, Леша. Ты неправильно меня понял. Я…

Она увела взгляд. И это было скверным признаком.

– Ты хочешь за него выйти, – сделал он вывод, падая обратно на подушки. – Твой выбор. Ты его сделала. Давно сделала. И весь этот лепет про машину и дачу в одно окошко… Что это было, Лора? Проверка? Ты хотела проверить меня? И как? Я прошел кастинг?

– Нет, – последовал жесткий ответ от женщины, в которую он влюбился сразу, как увидел десять лет назад. – Ты не прошел проверки, Леша. Ты не сказал мне того, что я ждала.

Глава 3

– Детка, оставь мужчину в покое. – Надменный, как всегда, голос тещи заставил его жену замолчать.

Артур покосился на тещу с благодарностью.

Эта удивительная женщина, поселившаяся полгода назад в их доме, самым невероятным образом сумела внести в их разрушающийся брак гармонию. Странную. Нелогичную даже гармонию. Все, что казалось им с женой раньше неприемлемым, вдруг стало устраивать. Взаимные претензии как-то сами собой улетучились. Интересы друг друга вдруг сделались уважаемыми. Совместно проводимого времени стало вполне достаточно, даже если оно ограничивалось пятью часами в неделю. Они стали чаще смеяться. Реже хмуриться. И почти совсем перестали пререкаться.

И все благодаря его теще – Екатерине Семеновне, которой взбрело в голову приехать к ним на празднование Нового года. А потом взбрело в голову у них немного пожить. Жила у них уже полгода, заняв крохотную гостевую спаленку, и, кажется, никуда не собиралась. Ее будто все устраивало. И комната в восемь квадратных метров, и шум за окном, а оно выходило на оживленный проспект, и то, что часто приходилось подменять собственную дочь у плиты.

Екатерина Семеновна не роптала. Как-то все успевала. И даже успела обзавестись подругами, с которыми без конца

посещала какие-то выставки, не пропускала ни одной премьеры в театрах и даже ходила в походы.

Иногда Артуру казалось, что он ее любит больше, чем родную мать.

Эта женщина никогда не жаловалась и не ныла. И еще потому, что она всегда была на его стороне. Как, например, сегодняшним утром.

– Екатерина Семеновна, какие планы на выходные?

Артур подцепил с широкого блюда сладкую рисовую котлету с изюмом, окунул ее в густую сметану, откусил и зажмурился от удовольствия. Теща прекрасно, как оказалось, готовила. Выдумывала какие-то новые кушанья. Совмещала не совмещаемые продукты, смешивала, экспериментировала. Выходило необычно, непривычно и непременно вкусно. У его жены – у Светы – так не выходило никогда.

– Планы, Артурчик, грандиозные. – Она называла его только так. – Собираемся с подругами обследовать заказник.

– Ого! А это где? – Он благодарно кивнул жене, протянувшей ему чашку с кофе.

– Это, милый, у черта на куличках! – возмущенно отозвалась жена. – Им придется сначала проехать полторы сотни километров по шоссе. Потом свернуть с дороги в чащу. Проехать еще километров пятьдесят.

– Ого! – повторил он и с удивлением глянул на тещу. – Не слишком ли ваша затея, Екатерина Семеновна…

Он поискал подходящее, вежливое слово. Она нашла его

за него.

– Идиотская, хочешь сказать? – фыркнула теща. – Не стесняйся, говори как есть, дорогой.

– Нет, не идиотская, но сомнительная. Весьма сомнительная, Екатерина Семеновна. В заказнике полно зверья. Охотники опять же.

– Сейчас не сезон, – парировала теща и беспечно пожала плечами. – К тому же у меня есть травматический пистолет, ты же знаешь. И разрешение у меня на него имеется. Шкуру медведю не пробьет, конечно, но напугать напугает. Да и не собираемся мы в самую чащу. Мы с самого краешка. По опушкам.

– Но зачем? – снова изумленно воскликнул он. – Ехать так далеко, чтобы погулять по опушке леса? Я могу вам с дюжину мест перечислить, где не менее красиво и…

– Артурчик, не разоряйся, – мягко улыбнулась теща и легонько потрепала его по плечу. – Все уже решено. Мы выезжаем уже через час.

Света с раздраженным фырканьем выскочила с кухни. А теща, понизив голос, проговорила:

– А ты лучше свози свою сварливую жену на пляж, как она просит. Я хоть и вступилась за тебя при ней, но совершенно не понимаю, что тебе делать в гараже в такую жару.

Артур со вздохом сложил на тарелке крест-накрест вилку с ножом. Отхлебнул кофе. Кофе был скверным, сразу понятно – его варила Света. У тещи кофе получался бесподобным.

Поморщился и отставил чашку подальше.

– Хорошо. Я сделаю, как вы просите, Екатерина Семеновна. – Он тоже понизил голос. – Но я все равно не понимаю цели вашей поездки. Зачем? Зачем ехать так далеко? Ради прогулки?

Он подозрительно прищурился, уставившись в непроницаемые карие глаза тещи.

– Или вы что-то от меня скрываете? Что-то есть, чего я не знаю, Екатерина Семеновна?

Вот честно, ему не нравилась ее затея. Что-то ныло внутри. Что-то такое, чему он не мог дать определения. Предчувствие, что ли? Или нет? Или это просто он так пытался оправдать собственное раздражение из-за того, что ему придется тащиться со Светкой на городской пляж, где в выходной день было не протолкнуться.

– Что ты имеешь в виду, я не понимаю, Артурчик? – Теща делано рассмеялась, карие глаза странно заблестели. – Что я могу от тебя скрывать?

– К примеру, какую-то очень опасную затею, – проговорил он едва слышно.

Светка носилась где-то в коридоре с купальниками и сарафанами, не зная, какой выбрать для отдыха.

– О чем ты, не пойму? – тоже шепотом произнесла теща, наклоняясь к нему ближе. – Что может быть опасного в загородной прогулке?

– В самой прогулке ничего. А вот в том, где она будет про-

ходить. – Артур вдруг погрозил теще пальцем. – Я еще помню, чем закончилась ваша авантюрная затея по поимке грабителя, нападавшего зимой на одиноких женщин поздними вечерами.

– И чем она закончилась, Артурчик? – Теща приблизила свои губы почти к самому его уху. – Поимкой преступника? Разве нет?

– Да. А еще вывихом вашего левого голеностопа. И дюжиной синяков.

Артур проглотил упрек в том, что ему пришлось еще несколько часов объясняться с полицейскими, которые не могли взять в толк, какого черта пожилая тетка полезла не в свое дело. И нанимать адвоката, которому надлежало отписываться от жалоб «пострадавшей» стороны. Пусть даже эта сторона и оказалась преступником. Они погрязли во встречных исках, пока наконец вина грабителя не была доказана и тому не велено было заткнуться.

– Артурчик, уверяю тебя, сегодня никаких затей, кроме сбора лекарственных трав, не намечается. – И последовал еще один фальшивый смешок. – Доеду, погуляю, травок пособираю и обратно домой.

– Что?! – повысил он голос, услыхав, как Светка заперлась в ванной.

– Что? – Теща, округлив глаза, отпрянула.

– Вы сказали, доеду!

– И?

– Вы что, туда одна собираетесь?!

– Ох, ну нет, конечно же. Нет. – Она вскочила со стула и принялась энергично убирать со стола остатки завтрака и грязную посуду. – Так привыкла говорить. Конечно, я еду с подругами, Артурчик. Я бы никогда не решилась одна. Ты же меня знаешь. Все будет хорошо, поверь. И вы с пляжа не успеет вернуться, как я уже окажусь дома. А теперь тебе надо поторапливаться. Ибо моя дочь уже, кажется, собралась. И станет неприятно повизгивать, если ей придется тебя долго ждать.

То, что они снова в одной лодке, Артура расслабило. Они рассмеялись. И он ушел к себе одеваться. Светка ему на выбор уже выложила на кровать поверх покрывала сразу три футболки и пару шорт. Плавки были всего одни. Он быстро переоделся, снова заглянул в кухню. Екатерина Семеновна стояла возле окна спиной к двери и с кем-то говорила по телефону. С какой-то женщиной. Артур уловил имя Мария.

Кажется, он знал эту женщину. Одна из подруг тещи. Проживала в крайнем подъезде в их доме. Теща диктовала ей, что надо непременно взять с собой. Перечислялась какая-то ерунда: бутылка воды, очки, лупа, веревка, перчатки, пакеты. Он успокоился. Значит, точно едет не одна. И точно за травами. Но вот последняя фраза заставила его насторожиться. И он непременно пристал бы к Екатерине Семеновне с вопросами, не выпорхни в этот момент из ванной Светка.

– Как я тебе, милый? – Она шевельнула голыми плечами,

покрутилась перед ним, вздувая куполом широкую юбку. – Новый. Нравится?

– Да. Отлично. – Он поймал ее за талию, привлек к себе, поцеловал в щеку. – Я еду с тобой.

– Ура, ура, ура! – заныла она тихонько. – Я так рада! Уже и переоделся. Ты прелесть, мой муж! Просто прелесть! Едем, едем. Чем раньше выедем, тем больше шанс занять лучшее место.

Они толкались в субботних пробках полтора часа. И, конечно же, никаких свободных мест на городском пляже не оказалось. Пришлось еще минут двадцать метаться между полуобнаженными телами, таская на себе два складных шезлонга и пакеты с полотенцами, водой, бутербродами и фруктами. Он потел, злился, ворчал. Грозился все бросить к чертовой матери и укатить в гараж, где его ждала покраска стеллажа. Светка молча терпела. И настырно перла вперед.

– Все! Нашла! – воскликнула она, падая на пятую точку под раскидистым деревом. – Здесь лучшее место, Артур. И тенек, и народу мало.

То, что до водоема было метров триста, ее, кажется, не волновало. Триста метров, забитых препятствиями из голых пяток, животов и накрытых панамами голов. Но он все равно ушел купаться. И плавал в воде сомнительной чистоты и свежести до изнеможения. Надеялся, что Светке надоест в одиночестве валяться на шезлонге, и она запросится домой.

Не тут-то было! Ее все устраивало. И они пробыли на пля-

же до самого вечера. Наблюдали за тем, как мигрирует поток отдыхающих. Жевали бутерброды, запивали их теплой водой и лениво переговаривались. По очереди ходили купаться, чтобы не оставлять без присмотра ключи от машины и мобильные телефоны.

– Может, пора уже домой, малыш? – взмолился Артур ближе к семи часам вечера.

– А что мы там забыли? – Она отвернула край своих плавок и с удовольствием отметила, что загорела.

– Екатерина Семеновна наверняка уже приготовила что-нибудь вкусненькое, – мечтательно проговорил он и положил ладонь себе на живот. – Мне уже дурно от теплой воды и бутеров, малыш.

– Мамы нет дома. Забыл, она уехала в заказник? – И Светка снова завалилась на шезлонг, прикрывая лицо спортивной кепкой.

– Как – нет дома? Она сказал, что уедет ненадолго. Время почти семь вечера.

– И что? Сто пятьдесят километров туда, сто пятьдесят обратно. По грунту еще сотня в общей сложности. Четыре сотни, милый! И погулять…

Четыре сотни километров – это пять-шесть часов времени, подсчитал он. Разъехались они в десять утра. Пусть на прогулку еще час.

– Она должна быть дома, – настырно занудил Артур. – И я видел, она мариновала мясо. Собиралась его готовить к

ужину. Я мяса хочу, Светка.

– Ее нет дома. Я звонила, – со вздохом призналась жена. – Домашний телефон молчит.

– А мобильный?

– А мобильный вне зоны. Ты же знаешь ее, Артурчик, – передразнила она интонацию матери. – Она всегда забывает зарядить телефон.

Сегодня она его утром заряжала, он это точно знает. Сам сунулся к любимой розетке на кухне со своим мобильным, а там телефон тещи заряжается.

– Телефон она зарядила, Светка. Звони еще, – приказал он. Вскочил с шезлонга и принялся энергично собираться. – Звони ей. Звони ее подруге Марии. Не знаю ее отчества. Они вместе собирались ехать, я подслушал.

– Господи, Артур! Ну что ты вечно начинаешь! – Она стащила с лица кепку, закатила глаза. – Марии я тоже звонила. Ее телефон тоже вне зоны. Если они вместе и телефоны у обеих вне зоны, это значит что?

– Что?

– Что там просто-напросто нет связи. Чего ты засуетился-то?

– А то, Светка! Что мне кажется, это какая-то неправильная прогулка.

– В смысле?

Она села в шезлонге, выгнув спину дугой, уставилась на него округлившимися глазами. Так она обычно начинала

беспокоиться: сильно горбилась и таращила глаза.

– Я подслушал еще кое-что, – нехотя признался он, застегивая джинсовые шорты и одергивая футболку.

– Что ты еще подслушал?

– Екатерина Семеновна сказала: не реви. После того, как перечислила, что надо взять с собой.

– Не реви? Кому она сказала? Марии?

– Да.

– А с чего той реветь перед прогулкой за город? Может, она ударилась? Может, ее кто-то расстроил? Может…

– Не может, Светка. Она потом добавила: мы его обязательно найдем.

– Кого – его? – Светка вдруг сильно икнула и испуганно прикрыла рот ладошкой. – Извини. Они же за травой какой-то вроде собрались. Может, об этом речь?

– Нет, не может, – снова повторил Артур, чувствуя, как его продирает неожиданным холодом. – Она сказала: не реви, мы его обязательно найдем, человек – не иголка в стоге сена. Вот дословно, что она сказала, Светка.

– Человек?! – с жутким шипением протянула его жена, медленно вставая с шезлонга. – Она поехала в заказник искать там какого-то человека?! Господи, Артур, опять?!

И Светка разрыдалась на его плече. А он не выносил слез своей жены. Просто не выносил! Они не злили его, не раздражали, не бесили, нет. Он просто в такие моменты задыхался от жалости к ней. И ненавидел себя за подобную сла-

бость. И возвращаясь к машине, Артур искренне надеялся, что Светкины слезы на пляже, это единственное его потрясение на сегодняшний день.

Они вернутся домой, а теща уже там. Хлопочет возле плиты, готовя замаринованное с утра мяса. И, пряча от них виноватый взгляд, обещает вскоре накормить их ужином.

Екатерины Семеновны дома не оказалось. Телефон ее по-прежнему был вне зоны доступа. Света попеременно то успокаивалась, то злилась на мать, то впадала в отчаяние. А когда ближе к полуночи к ним в дверь позвонил встревоженный сын тещиной подруги Марии с вопросами о матери, Светка разрыдалась снова.

Глава 4

Его изводила жара, мошки, комары и стрекот насекомых в траве. Видит Бог, он этого не желал ни в коем случае! И когда он согласился на условие, выдвинутое отцом, он точно думал не головой.

– Поработаешь месяц-другой на природе, проветришься, может, даже и поумнеешь, – басил его папаша, рассматривая сына, трясущегося перед ним с великого бодуна. – Тогда и поговорим.

– Ну, па! – возмутился он неуверенным слабым голосом, сил у него тогда не было даже на шепот. Странно, что вышло хоть это. – Я не смогу!

– Тогда идешь в армию. – Отец сурово свел брови и шлепнул ладонью о край стола, за которым сидел. – Либо работаешь лето в лесничестве у моего двоюродного брата, либо в армию. Выбирай.

– Работаю, – прошептал он.

– Вот и ладненько. Свежий воздух, полное отсутствие соблазнов. Думаю… – Отец скептически осмотрел сына, еле державшегося на ногах после ночного загула. – Думаю, это пойдет тебе на пользу.

Он сам контролировал сбор вещей. Считая, что это ни к чему, выкидывал из чемодана ненужные узкие джинсы, легкие мокасины, плавки. Насовал, на взгляд сына, всякой дре-

бедени. Высокие ботинки, плотные широкие штаны со множеством карманов, некрасивые хлопковые рубахи и больших размеров футболки. Будто с чужого плеча, честное слово!

– У тебя начинается новая жизнь, – сказал отец, высаживая его возле высокого бревенчатого забора с широкими воротами. – Пусть это послужит для тебя испытанием. Может, поумнеешь?

Умнеть в этой глуши, наполненной стрекотом кузнечиков и заполошным гомоном птиц, было не с чего. Он здесь, наоборот, становился день ото дня все тупее. Так ему казалось. В голову лезли всякие глупые мысли. Одолевали странные желания. Слышались какие-то посторонние голоса.

– Па, это все равно что в дурке, – пожаловался он отцу, когда тот позвонил. – Или в тюрьме. В камере-одиночке.

Он ворчал, жаловался, просился обратно. Отец оставался непреклонен.

– Поработай, сынок. На пользу, – так заканчивал он всякий раз телефонный разговор с сыном.

Пришлось начать работать. Чтобы не свихнуться от скуки и странных голосов, которыми наполнялся лес после заката.

Он начал с того, что перекопал клумбы с давно одичавшими розами. Потом долго колдовал с выжившими отростками. Промывал корни, обрезал сухие ветки, подвязывал, снова высаживал. Занятие было совершенно бесполезным. Он знал. После его отъезда никто не станет возиться с розами. Было просто некому. На этой заимке жил только один чело-

век – двоюродный брат его отца, Сергей Николаевич. Угрюмый, кряжистый, как старый дуб, высокий мужик, работавший на лесничество. Ему не было никакого дела до клумб с розами. И до грядок с ягодой, которую высаживала еще его покойная жена. И до переродившегося крыжовника со смородиной. Ему ни до чего не было дела. Он уходил с заимки после обеда и редко возвращался к ночи. Чаще к утру. Возвращался уставшим. От него пахло порохом, костром и еще чем-то неприятным. Данила сколько ни принюхивался, понять чем, не мог.

Спал Сергей Николаевич часа четыре. Потом вставал, готовил нехитрую еду, осматривал хозяйство. Отдавал распоряжения. И снова уходил. Они почти не разговаривали. Даже когда ели. Особенно, когда ели. Потому что Сергей Николаевич делал это очень быстро. Данила не успевал три ложки постных щей проглотить, как тот уже вставал из-за стола. Оставлял ему что-то на ужин и уходил. И так до следующего дня.

Недели через три Данила начал привыкать к одиночеству. И даже осмелел настолько, что стал выходить за ворота. На следующий день еще больше осмелел и погулял. А еще через два дня нашел дорогу, ведущую на шоссе. И до шоссе дошел через пару дней. Не так уж это было и далеко. Километров десять, не больше. Он даже успел вернуться засветло и запереть ворота, чтобы не оставлять никаких следов своей самоволки.

Ему ведь не разрешено было покидать заимку. Ни под каким предлогом! И он был страшно горд собой. Вот и у него появились свои собственные секреты. Своя собственная жизнь в этом странном, забытом Богом углу.

Но все его шалости вдруг вскрылись, когда однажды, вернувшись, он обнаружил своего двоюродного дядьку в доме.

– Куда ходил? – спросил тот, глянув на него исподлобья.

– Гулял. – Данила пожал плечами, швырнул на стол горсть каких-то ярких ягод. – Ягоды собирал.

– Не смей, – коротко обронил дядька и отвернулся от него.

– Чего-чего? – В нем вдруг проснулся настырный наглый юноша, которого сюда отправили на принудительное воспитание. – Я не понял? Не сметь ягоды собирать? Из Красной книги, что ли?

– Не смей покидать заимку, идиот, – прошипел двоюродный брат отца и хмыкнул с издевкой. – А ягоды можешь жрать. Они от запора…

И снова ушел, заперев ворота снаружи. И не появлялся пару дней. И Даниле пришлось самому готовить себе еду. Обжигаться о закопченный котелок, задыхаться от вони подгорелой картошки, беситься от бессилия и жалости к самому себе.

Ночами ему не спалось. Он выходил на улицу и слушал лес. И чудилось ему такое! Расскажи кому, скажут – обкурился!

Топот, хохот, свист, крики, стоны. Как в фильмах ужасов,

честное слово! Под утро даже показалось, что где-то далеко-далеко слышны звуки выстрелов. Может, дядька что-то такое добавил в тушенку, которую Данила ел без него? Или в чай какой-то травы подсыпал, что ему чудилось невесть что? Ведь однажды ему вообще почудилось, что он слышит крики о помощи. Причем голос был какой-то старушечий, слабый и надтреснутый.

– Я, пап, схожу тут с ума, – порадовал он отца днем позже. – У меня уже тут глюки начались. Слышу голоса!

– Снова травку куришь, гад? – поинтересовался со вздохом отец. – Ох, мать узнает…

И не поверил, когда Данила ему возразил.

– Тогда это из тебя дурь выходит, Данила. Вся, что накопилась за последнее время, – предположил отец. – Ну, какие там могут быть голоса? Опомнись!

– Не знаю. Но точно, будто старуха какая-то на помощь звала.

– Старуха? Какая старуха в этом заказнике? Откуда ей там взяться? Ночью! – Отец недоверчиво фыркнул.

– Да я-то откуда знаю, может, заблудилась?

– Там все в тропках, сынок. Заблудиться там может только безногий. Данил, вот ты уходил с заимки несколько дней подряд, ты заблудился?

– Нет. А откуда ты…

– Ты что, вообще, что ли, сынок, не догоняешь? – со вздохом поинтересовался отец. – Думаешь, я тебя в лес спихнул

и забыл? Я все о тебе знаю. О каждом твоем шаге. И что гулять ходил вопреки запретам. И что до шоссе дошел.

– Дядька настучал? Он что, следит за мной?

– Он за тебя отвечает, – коротко ответил на вопрос отец. – Кстати… Чего же не сбежал, когда дорогу нашел?

– А куда бежать, пап? В армию? – криво ухмыльнулся Данила. – Ты же ясно дал понять.

– Молодец! – первый раз за долгое время похвалил отец, и голос его звучал не издевательски, как обычно, а натурально. Он его хвалил. – Может, это изгнание все же пойдет тебе на пользу, а, сынок? Может, станешь наконец мужиком?

Вообще-то Данила считал себя мужиком лет с четырнадцати, когда научился стоять за свою честь, защищать свою девушку и не сдавать друзей. Чем бы ни угрожали ему, что бы ни обещали, он твердо стоял на своих принципах и не позволял никому вмешиваться в свою личную жизнь. С четырнадцати лет! Сейчас ему двадцать.

Ну да, немного подурачился. Немного как-то потерялся. Учиться пошел после школы куда-то не туда. Друзей обрел каких-то не тех. Запутался как-то, да. Но мужиком от этого быть не перестал, это точно.

– Я – мужик, пап, – ответил он, оскорбившись.

– Мужики за свои поступки отвечают. Разве нет? А ты?

И тут же пошел полный перечень всех его грехов. И заваленные зачеты, и перенесенные сессии, и ночевки в отделении полиции, и помятые дверь и крыло дорогой иномарки,

которую Данила самовольно угнал из гаража, и заплаканная девушка, которую он едва…

Стоило о ней вспомнить, как тут же затошнило. Что тогда было! Что было! Отец еле уговорил ее не писать заявление в полицию. Еле вытащил Данилу из проблемы под названием «уголовное дело».

– А ты говоришь, голоса! – закончил возмущенно отец. – Да что ты успел натворить за эти два года, на три жизни хватит, сын! Так что не выдумывай ничего такого. И загрузи себя работой. Розарий восстановил? Молодец. Грядками с клубникой займись. Постарайся уставать так, чтобы спать, как убитый. И когда лопатой машешь, думай, думай, думай.

– О чем, пап?

– О том, как жить дальше станешь.

После разговора с отцом он весь день перекапывал грядки с клубникой. Забыл даже про ужин, который оставил ему дядька в крохотной кастрюльке на плите. Когда вспомнил, обнаружил, что есть совсем не хочется. Хочется смыть с себя пот, пыль, упасть на узкую кровать со скрипучим матрасом и уснуть крепким сном.

Он отключился почти мгновенно. Даже не заметил, как скользнул из реальности в сон. Только вот, буквально минуту назад слышал шум ветра в приоткрытое окно тесной комнатки на втором этаже, где ему велено было жить. Точно слышал, как стучится толстая ветка старой елки о скат крыши. Где-то погромыхивал гром зарождавшейся грозы, и

следом тишина. Могильная тишина. Он уснул.

Ему ничего не снилось. Вообще ничего. И пронзительный крик, разбудивший его, ему точно не приснился.

Данила подскочил на кровати и сел, испуганно оглядываясь.

В комнате горел крохотный ночник. Пластиковая коробочка с лампочкой вставлялась прямо в розетку. Свет от нее был слабым. Но угадать в темноте очертания шкафа, стула, на котором валялась его одежда, спинку кровати, можно было легко. Данила тяжело вдохнул, выдохнул. Прислушался к бешеному стуку своего сердца. Что его так напугало? Крик? Снова крик?

Он слез с кровати, подошел к окну. Шире распахнул створку, высунулся наружу. Ветер, поднявшийся с вечера, стих. Старая высокая елка с повисшими ветвями выступала из темноты огромной колокольней. Пахло скошенной травой. Это он сам вчера окашивал ее вдоль забора. Небо было черным, бездонным. Смотреть в него было жутко. Дядька не разрешал на ночь оставлять свет. Утверждал, что это привлекает хищников. Данила был с ним не согласен, но подчинялся. Сейчас об этом жалел. Он ведь здесь совершенно один. И даже дом не заперт. Это было еще одним требованием его хозяина. Тот утверждал, что достаточно запертых ворот.

Данила вздохнул и потянул на себя оконную створку, закрывая. Надел спортивные широкие штаны, растоптанные кроссовки и пошел вниз.

Страх прибавил ему злости. Плевать он хотел на запреты. Он сейчас спустится. Включит свет, а он горит сразу на трех фонарных столбах, ярко освещая территорию даже за забором. Осмотрит двор. А потом закроет дом изнутри.

И если кому-то это не понравится, пусть катает его отцу жалобу! Ему плевать!

Выключатель находился на крыльце под жестким пластиковым козырьком. Данила щелкнул им, и двор залило мягким оранжевым светом. Он спустился по ступенькам крыльца. Прошелся вдоль забора. Никого. Все привычно. Старые качели на ржавых цепях. Дощатый стол, обитый куском потерявшего цвет линолеума, две скамейки возле него. Возле сарая гора березовых бревен. Данила собирался завтра начать колоть дрова. Один пенек, очень старый и широкий, стоял в центре с воткнутым в него топором. Он подумал и выдернул топор из пенька. И сразу почувствовал себя увереннее. И еще раз пошел вдоль забора.

Возле ворот остановился, проверил щеколду, которую можно было открыть снаружи. На месте. Подергал замок, который снаружи открывался лишь ключом. Заперт. Задрал голову к небу.

Черный полог небосвода на востоке сделался светлее. Скоро рассвет. Еще час-другой – и лес заполнится птичьей трескотней, сильно действующей ему на нервы. Может, из-за этого раздражения у него и глюки?

Данила успел сделать два шага от запертых ворот, когда

услышал ЭТО. Он даже не смог определить, что ЭТО было! Стон? Хрип? Скрежет? Волосы на затылке зашевелились. Ноги приросли к земле, сделались ватными, непослушными. Он медленно повернулся, уставился на толстые бревна надежных ворот и слабым, не своим голосом крикнул:

– Кто там? Пошли вон отсюда, ну! Я стрелять буду!

Какое-то время было так тихо, что он мог поклясться, что слышит, как прорастает новая трава на месте скошенной. И потом снова стон. Да, точно, это был стон, не хрип, не скрежет. И стонал совершенно точно человек, не животное.

– Что вам надо? Убирайтесь! – крикнул Данила и согнулся, как от удара в живот, зажимая рот ладонью.

На минуту в голове сделалось пусто и гулко, как в большой зеленой бочке, которая стояла под водосточным сливом дома. Бочка давно прохудилась, и дождевая вода в ней не накапливалась. И Данила от безделья иногда швырял в нее мелкие камушки метров с десяти. Когда камни попадали в цель, бочка отзывалась гулким пустым звуком.

Пусто и гулко. Так было минуту. А потом нахлынуло! Страшные трусливые мысли теснились в голове, давили болью на виски.

Что ему делать?! Что делать?! Пошел бы лучше в армию. Там думать не надо. Там принимать решения не пришлось бы. Там куча командиров. Там все решили бы за него. Сейчас-то, сейчас что ему делать?!

Стон повторялся снова и снова. Кто-то невнятно просил

о помощи. Данила даже сумел разобрать несколько слов. На слабых ватных ногах он вернулся к воротам. Схватился за щеколду и вдруг отступил.

Нет. Так нельзя. Это может быть ловушкой.

Он побежал к сараю. Швырнул топор в старую солому. Схватился за длинную тяжелую лестницу, приставленную к чердачному лазу, и потащил ее по земле к воротам. Приставил, оперев верхние перекладины на самый край толстых бревен, и полез.

Ему пришлось забраться на предпоследнюю перекладину, чтобы рассмотреть того, кто стонал за воротами. Это был человек в заляпанной грязью одежде. Он лежал на животе, широко расставив ноги в спортивных штанах. Руки были выброшены вперед и упирались в нижнюю часть бревен. Видимо, он пытался достучаться, но не выходило. И тогда человек принялся стонать. Насколько хватало его сил. И Данила его услышал.

Он слез с лестницы. Вернулся к воротам и отпер замок. Приоткрыл нешироко одну створку и шагнул наружу.

– Эй! – он осторожно толкнул человека носком кроссовки в бок. – Эй, вы живы?

Снова стон. И невнятно прозвучало:

– Да.

Данила присел на корточках, положил ладонь на спину человека с левой стороны. Сердце стучало. Едва слышно, неровно, но стучало.

– Встать сможете? – спросил он и потолкал руками распростертое перед ним тело.

– Не-ет, – раздался хрип в ответ.

– Вам надо встать. Я вам помогу. Надо встать и пройти со мной в дом.

– Не-ет, – снова прохрипел человек и даже пару раз качнул головой.

В длинных волосах засохла грязь, виднелась сухая трава.

– Что же мне с вами делать, раз вы вставать не хотите? – проворчал Данила, выпрямляясь в полный рост. – Оставайтесь здесь тогда до прихода дяди.

– Не-ет! Не-ет! Не-ет! – несколько раз растянуто, но внятно произнес бедолага. И вдруг добавил: – Машина.

– Машина! У меня нет машины, – фыркнул Данила.

И досадливо почесал макушку.

Машина была. Но сейчас она была под арестом. Отец наложил вето на право управления автомобилем. Мотиваций было много. Данила был виноват кругом. И спорить не стал.

– Есть машина, – вдруг добавил человек тихо, но достаточно разборчиво. И после паузы, словно собрав последние силы, заскулил: – Она на дороге в кустах. Мне надо туда. Помоги, мальчик…

Глава 5

– Мне больше дел нет, как только старых идиотов по лесам искать!

Капитан Бодряков в бешенстве поддел ногой стул, попавшийся ему на пути от двери к его рабочему столу. Стул взвился в воздух на полметра, совершил стремительный полет до подоконника, ударился о батарею и с подозрительным хрустом на все четыре ножки опустился на пол.

Стул бить было нельзя. Стул был допросным. С хорошей историей. На нем, как утверждал предшественник капитана, все допрашиваемые кололись на раз-два. Бодряков верил и не верил, но стул до сего времени берег. А тут не выдержал.

– Ты чего такой? – Лейтенант Малахова глянула на него исподлобья, а на стул с жалостью, вздохнула. – Мебель-то тут при чем?

Мебель была ни при чем. При чем был начальник отдела, полковник Сидоров, отдавший ему десять минут назад приказ выехать на место предполагаемого происшествия.

– Предполагаемого, Малахова! – У Бодрякова гневно раздулись ноздри и защипало в горле. – Родственники пропавших стариков даже не уверены, что это может быть именно там.

– Там – это где? – Она поиграла авторучкой, зажатой между указательным и средним пальцами.

– Хороший вопрос, Малахова! Вопрос на пять баллов. Где?!

– И?

Она вытянула шею в его сторону, ее глаза смотрели вопросительно и в то же время ободряюще. Так смотрела на него в школе любимая учительница по физике. Смотрела, когда он не знал урока, не признавался и мямлил что-то неуверенное. А ей не хотелось ставить ему двойку, и она тянула его, тянула изо всех сил дополнительными вопросами и таким вот именно взглядом. Физику Бодряков ненавидел. Учительницу любил. Поэтому старался и получал заслуженную тройку вместо неуда.

– В общем, в субботу утром две пожилые женщины отправились в заказник на прогулку, – неприятным скрипучим голосом пробормотал Бодряков, тряхнул зажатыми в руке заявлениями от родственников и закончил: – И пропали.

– То есть не вернулись? – уточнила Малахова, роняя авторучку на пол.

– Нет. – Он швырнул заявления на ее стол. – Ознакомься.

Она резко двинула стулом, нагнулась, достала авторучку, сунула ее в подставку и только тогда взяла в руки два листа бумаги, исписанных дочерью одной пропавшей женщины и сыном другой. Быстро прочла раз, потом второй. Подняла на капитана вопросительный взгляд и спросила:

– А почему мы?

– Вот! – Бодряков нервно хохотнул, засовывая руки в кар-

маны штанов. – Еще один вопрос на пять баллов, Малахова! Почему, черт побери, мы?!

– Мы занимаемся расследованием убийств, Александр Александрович. – Малахова положила заявления от пострадавших одно на другое, выровняла края. – А здесь ерунда какая-то!

– Моя бы воля, Малахова, я бы тебя к награде представил, – прохныкал Бодряков, усаживаясь за свой стол, который стоял напротив ее, перпендикулярно подоконнику. – Мыслишь верно.

– Но с полковником спорить, себе дороже, так?

Она взяла в руки мобильник, проверила зарядку, на день хватит точно, и со вздохом потянулась к своей сумочке, которая всегда стояла на тумбочке в ее углу. Сейчас капитан перебесится, и они поедут. Сначала, разумеется, к родственникам, потом в заказник.

Она не была там ни разу. Знакомые ее знакомых как-то отдыхали там с детьми. Восторгов не было. Лес им показался мрачным, запущенным, тропы – нехожеными. И пока они там гуляли, им все время казалось, что за ними ведется наблюдение. А потом и вовсе им стало чудиться, что в лесу стреляют. А охота, совершенно точно, была в заказнике запрещена. Об этом гласил огромный щит при въезде. Да и охотиться, со слов знакомых ее знакомых, там было не на кого. За время их прогулки им не встретилось ни единого подтверждения, что лес обитаем.

– А стреляли? – Бодряков повернул в ее сторону голову, на миг отвлекшись от дороги.

– Стреляли.

– Или будто стреляли? – уточнил он.

– Точно стреляли… будто. – Малахова неуверенно пожала плечами. – Я же не говорила с этими людьми. Мне просто рассказали. Но вроде там мужчины были, узнали по звуку какое-то оружие.

– Ох, Малахова, – разочарованно протянул Бодряков, сворачивая во двор дома Горяевых. Их обращение в полицию было зафиксировано первым. – Рано я тебя к награде собрался представлять. Все у тебя как-то… Будто стреляли. Какое-то оружие. Никакой конкретики. Может, там, в лесу, сухие деревья валили сотрудники природоохранных структур. А знакомые твоих знакомых придумали непонятно что. Нету там зверья, Малахова. Специально узнавал. Нету! Ладно, вылезай, приехали.

Они выгрузились из прохладного салона в душный летний полдень.

«И правильно, что чистую рубашку не стал сегодня надевать, – подумал, капитан Бодряков, чувствуя, как рубашка от пота тут же прилипла к лопаткам. – Еще по лесу вдруг придется бродить. Там белый воротничок будет некстати».

«Блузка сейчас прилипнет к телу от пота, – подумала Малахова, идя за капитаном след в след. – А под ней старый лифчик, с бретелькой, пришитой контрастными нитками. Не

дай бог, заметно будет! А еще и по лесу бродить точно придется».

Дверь квартиры Горяевых оказалась незапертой. Даже чуть приоткрытой.

– Погоди. – Бодряков попридержал лейтенанта за локоть, постучал, позвонил, крикнул: – Есть кто дома?

Дверь распахнулась шире. На пороге стояли двое. Супруги Горяевы, сообразила Малахова. Они запаниковали первыми. Первыми побежали в полицию. И по первому впечатлению горе у них горькое.

Она еле стоит на ногах, бледная, заплаканная, одета как-то несуразно. Короткие джинсовые шорты и длинный шерстяной кардиган.

Он обнимает ее за плечи, тоже бледен, не заплакан, но встревожен. В домашних трикотажных штанах и футболке в обтяжку.

Сложен великолепно, оценила его тут же Малахова. Много интереснее своей жены. Возможно, имеет успех у женщин. Возможно, даже изменяет ей направо и налево. А может, и не делает этого, но жена ему явно не пара. Серой и невзрачной кажется на его фоне.

– Вы из полиции? – Первым спросил мужчина, дождался утвердительного кивка капитана, посторонился, увлекая за собой жену. – Проходите. Проходите. Мы вас с утра ждем.

Они вошли. Сразу за супругами проследовали в гостиную.

Современно, чисто, но не уютно, оценила Малахова, при-

саживаясь на край прозрачного пластикового стула, который выдвинула из-под стеклянного стола. Капитан от стула отказался, побоялся сломать. Сел на узкий двухместный диванчик. Таких в гостиной было два. И еще два низких креслица на тонких ножках. И еще громадный телик на стене. И на противоположной стене вразброс несколько стеклянных полок, подсвечиваемых холодным синим светом.

– Что можете сообщить по существу вопроса? – начал Бодряков, упираясь кулаками в колени.

На его лице читалась страшная скука, а еще отвратительное настроение, а еще желание послать все к чертовой бабушке. Он с этим боролся, конечно. Малахова видела, что он старается изо всех сил, но выходило так себе.

– По какому существу? – Опухшее от слез лицо дочери пропавшей пенсионерки исказилось от судороги, сделавшись еще более непривлекательным. – Что вы имеете в виду?

– Да! Что? – Шея красавца-мужа дернулась, он возмущенно прошипел: – Мы в заявлении все изложили. Все!

– То есть добавить вам нечего?

Губы Бодрякова раздраженно задергались. И зад его начал непроизвольно подниматься с узкого диванчика. Сейчас уйдет, сообразила Малахова. И они не зададут нужных вопросов. И не получат ответов, по которым можно будет судить: причастны супруги к исчезновению своей престарелой родственницы или нет? Или кто-то один из них причастен или нет?

– Простите, пожалуйста, – Малахова неуверенно улыбнулась. Глянула на красивого супруга Горяевой. – Как я могу к вам обращаться?

– Артур.

– А по отчеству?

– Ой, не надо никакого отчества! – Он поморщился. Прошелся ладонью по плечам и спине жены. – Просто Артур.

– Расскажите, пожалуйста, Артур, все с самого начала. Про утро субботы, – пояснила она, заметив заметавшееся в его глазах непонимание. – Нас интересует все. Интонации, настроение, фразы, шутки. Все!

Бодряков с облегчением выдохнул, снова опустил зад на диванчик и упер кулаки в коленки. Малахова улыбнулась и стала слушать сбивчивый, долгий рассказ. Жена несколько раз перебивала мужа, но по существу, и он не злился.

«Хороший признак, – подумала Малахова. – Видимо, в семье царит взаимопонимание».

– Вот, собственно, и все, – закончил Артур. – Все, что мы знаем. Да, совсем забыл. Чтобы уберечь себя и вас от оскорбительных вопросов, скажу сразу: мы весь день провели на городском пляже. Найдутся ли свидетели, запомнившие нас, не знаю. Но камер там – на выходе аж четыре штуки.

– Как вы, однако, внимательны! – с притворным восхищением поцокал языком Бодряков.

– Ах, оставьте ваши тупые намеки! – неожиданно взвизгнула супруга Артура, вскакивая с места. – Просто мы долго

выбирали парковочное место, вот и обратили внимание, что вся стоянка простреливается камерами.

Если Бодряков и обиделся за «тупые намеки», вида не подал.

– Мы непричастны к исчезновению Екатерины Семеновны, – добавил Артур, осторожным, но настойчивым давлением на плечо возвращая супругу обратно на место. – Она – Светина мать. Они очень близки.

– А вы? – спросила Малахова. – Вас она не раздражала? Вдруг приехала. Вдруг поселилась.

– Да я Бога благодарил, что она у нас поселилась! – вдруг выпалил Артур с такой обидой, что Малахова ему тут же поверила. – У нас жизнь сразу наладилась. Мы даже забыли, как скандалить!

– Да, да, верно. – Бесцветные губы Светланы тронула скорбная улыбка. – Артур молился на маму. Она всегда была на его стороне.

Поняв, что говорит о матери в прошедшем времени, она вдруг запнулась, потом ударила себя по губам и расплакалась.

– Зачем она поехала туда? Именно туда? Судя по вашим рассказам, Екатерина Семеновна рациональный умный человек. Что за блажь ехать так далеко ради банальной прогулки?

– Ой, они собирались с Марией Сергеевной собирать какие-то травы, – простонала сквозь слезы дочь Светлана. –

Какие-то редкие травы. Я не знаю! Мама не лезла с откровениями никогда. Не в ее правилах себя навязывать. Я не знаю. Но речь точно шла о сборе лекарственных трав. Во всяком случае, так она сказала мне. Но Артур что-то слышал, пока я переодевалась. Сын Марии Сергеевны все отрицает, но Артур же слышал!

– Что вы слышали, Артур? – глянула на него с укором Малахова.

Он что-то знает и молчит, а часы тикают. И шансов найти пожилых женщин живыми остается все меньше. Они ведь могли просто заблудиться.

– Две старые клуши, курицы! – воскликнул Бодряков, усаживаясь спустя двадцать минут в свою машину. – Они просто-напросто могли забрести в чащу и заблудиться. Устать могли. А еще…

– Не забудь про гипертонию, капитан, – перебила его Аня.

Ухватилась за блузку двумя пальчиками, отлепила ее от тела и помотала легкой тканью. Как она и опасалась, блузка прилипла к потному телу, и стежки темных ниток на пришитой бретельке точно теперь видны. Хорошо Бодрякову, кажется, нет никакого дела до ее лифчика. Как и до нее самой. Ему вообще, кажется, нет никакого дела до женщин. Он просто одержим работой. Ему тридцать пять лет, а семьи до сих пор нет. И постоянной девушки тоже. Полковник Сидоров, принимая Аню на работу, вежливо намекнул, чтобы она пригляделась к капитану.

– Он очень хороший парень, Анна Ивановна, – смущаясь, проговорил начальник отдела. – Вспыльчивый, но очень хороший. Порядочный. С такими, как он, прости за старомодное сравнение, только в разведку и ходить.

Вот она с ним и ходила везде: на поквартирные опросы, на досмотры места происшествия, даже в засаде пару раз с ним сидела. И все. Дальше этого дело не двигалось. Никаких театров, кино и ресторанов. Только работа.

– А что ты язвишь, лейтенант? И гипертония, да! – Он скосил на нее сердитый взгляд серых, как пыль, глаз. – Сделалось одной из них плохо, а таблеток нет под рукой и…

– Товарищ капитан, ты что, не слышал, что нам сообщил зять одной из пропавших женщин?

– А что он такого сообщил нам, Ань? – фыркнул Бодряков, сворачивая на шоссе, ведущее за город в сторону заказника. – Что он что-то такое там случайно услышал? Что его теща якобы просила свою подругу не плакать или не расстраиваться, он уже точно и не помнит? Что они обязательно его найдут?

– Ну да. – Она почувствовала, как под воротником блузки сделалось мокро, и тут же вся эта влага устремилась вниз, к лопаткам. И взмолилась: – Включи кондиционер, а!

Он молча ткнул в кнопку и продолжил ворчать:

– А кого или чего его, Ань? Может, они корень жизни собрались там искать? Женьшень какой-нибудь. Или цветущий папоротник!

– Саша, ты злишься, потому что понимаешь, что это не так.

– Нет! – возмутился он. – Ничего я не понимаю! Нет!

– Да, – ответила она спокойно.

– Что да?! – Он едва слышно чертыхнулся. – Просто две старухи отправились на прогулку и заблудились. Или попали в болото. Ты ведь знаешь, что в заказнике есть болото?

– Нет, не знаю.

– Открой бардачок, возьми карту. Меня ею снабдили добрые люди, – ядовито добавил он. Дождался, когда она ее развернет, и ткнул пальцем в самый дальний западный угол. – Вон там. Видишь?

– Вижу.

– Там болото. Непроходимое совершенно. – Бодряков зловеще понизил голос. – Болтали, что в девяностые многих там похоронили. Но не уверен. Болтают просто. Н-да…

– Саша, от дороги, по которой они должны были заехать в заказник, до болота почти двадцать километров, – округлила глаза Аня. – Они не могли туда дойти пешком. Две старые женщины. Да и зачем им туда?

– Вот именно! – гаркнул он и вырвавшись на трассу, прибавил скорость. – Ладно, я уже успел позвонить. Кто-то из местного лесничества должен будет ждать нас на въезде. Поглядим, посмотрим.

Глава 6

Парень, встретивший их на развилке, был этому лесу чужим. Это Аня поняла с первых шагов, следуя за ним по узкой тропе. Странно, что его к ним приставили в качестве проводника. Он же ничего не знал! И не слышал. И вообще здесь недавно.

– По имеющейся у нас информации, Голубева оставила свою машину чуть восточнее, – воскликнул с досадой капитан Бодряков, вылезая из зарослей кустарника, в котором, как ему показалось, он что-то увидел.

– А если у вас есть информация, я вам зачем? – пожал загорелыми плечами парень и, сунув руку себе под майку, постучал по крепкому прессу. – Мне обедать пора.

– Мы бы тоже не отказались, – нагло улыбнулась ему Аня. – Угостишь?

– Да я… – Он растерялся, глянул себе за спину. – Да я не знаю. Особо ничего нет. Кормежка скудная.

– Устроит! – рассмеялась девушка через силу.

Тонкая блузка не просто прилипла к потному телу, она в него вросла! И сквозь ткань стали заметны не только грубые стежки темных ниток на бретельке ее лифчика, стали видны все ее родинки. И крохотный прыщик, обнаружившийся сегодня под левой лопаткой, тоже наверняка торчит.

Она бы сейчас за прохладную воду какую-нибудь клятву

точно нарушила. Не очень серьезную, нет. Так… К примеру, никогда не умываться в чужом доме. И не пользоваться там чужими полотенцами.

Клятвопреступления не случилось. Умываться ей пришлось на улице под трухлявым навесом, дергая штырь старого алюминиевого умывальника. Вода показалась ей затхлой. Видимо, хозяева заимки этим умывальником не пользовались. И полотенца ей никто не предложил. Вытерла лицо и шею бумажным носовым платком. Подождала, пока Бодряков в точности повторит все ее действия, и уселась с ним за компанию на деревянной скамейке возле дощатого стола, обитого куском старого, давно утратившего первоначальный цвет линолеума.

– Странный малый, – тихо обронил Бодряков, дожидаясь обещанной кружки чая.

В этом им не отказали.

– Не то чтобы странный, – Аня потрепала блузку, отлепляя ее от тела.

– Но что-то в нем не так, согласись? – Бодряков проследил за ее движениями, хмыкнул. – Мне тоже жарко, лейтенант. И моя рубаха тоже липнет к телу. Так что не бери в голову и не стесняйся. Так что с ним не так, Малахова?

– Он здесь чужой, – буркнула она, покраснев не сколько после его рекомендаций, сколько после внимательного изучающего взгляда.

– Точно, Малахова! Зачет! Чужой, – подхватил Бодря-

ков. – Он не работает здесь. Какой-то подставной. Нам не того подсунули. Вопрос, Малахова: почему?

– Может, все остальные заняты. А может…

– А может, для того, чтобы потянуть время. Спрятать следы преступления. Или… Ой! – Его симпатичное лицо вдруг болезненно сморщилось. – Вот что мы тут с тобой делаем, Малахова?! Какого черта! Две пожилые тетки удрали от детей в поисках приключений, а мы с тобой по долинам и по взгорьям их должны искать. Да еще и версии придумывать! Версии чего?! Бред, не находишь?

– Нет, – ответила она кратко. – Не нахожу.

– Почему, Малахова? – недовольно буркнул Бодряков.

Ему не нравилось, когда она ему перечила. Больше нравилось, когда молчала и смотрела на него… с восхищением.

– О Марии Сергеевне я знаю немного, так как ее сын был немногословен. А вот что касается Голубевой Екатерины Семеновны…

– И что, что ее касается?

– Все! Это та еще любопытная Варвара, товарищ капитан.

Анна повернулась спиной к столу, оперлась лопатками о старые доски, вытянула ноги, подставила лицо солнцу. Кожу жгло, но она не отворачивалась. Господи, лето в разгаре, а она еще ни разу не загорала! Даже на пляже не была. И в лес по грибы и ягоды не ходила. Дикость какая-то. Вся жизнь мимо.

– Она очень долго занимала руководящий пост. До того

как выйти на пенсию, была главой района. Умная, рациональная женщина. Представить ее совершающей глупые поступки невозможно. Так говорит о ней ее зять. Она помешана на справедливости. Кстати, зимой помогла в поимке преступника, нападавшего в вечернее время суток на пожилых женщин. Даже надавала ему.

– О господи! Этого только нам не хватало! – По лицу капитана прокатились волны судорог. Он сел, неестественно выпрямив спину. – Хочешь сказать, что эта тетка и впрямь явилась сюда кого-то искать? О ком плакала ее подруга Мария?

– Ой, не знаю, товарищ капитан. – Анна блаженно сощурилась, поболтала ногами. – Но что-то здесь не так.

– Где? Здесь?

Он повел вокруг себя руками, словно пытался обнять широкий выкошенный двор вместе с надворными постройками, березовыми поленьями и бревенчатым домом, косившимся на них немытыми окнами.

– И здесь, и в лесу. Как-то странно.

– Что?

– Звонили в лесничество, просили прислать проводника, а нам подсунули какого-то мальчишку. Мальчишка скрылся в доме, чтобы приготовить нам чай, и что-то медлит. А чайник уже трижды свистел, я слышала. Чего он медлит?

– А вот сейчас он явится, мы у него и спросим.

Дверь дома распахнулась. Парень вышел на крыльцо. В

одной руке закопченный красный чайник со свистком, в другой большой пакет. В нем оказались чашки, сахарница, чайные ложки, упаковка чая в пакетиках и картонная коробка с пряниками.

– Вот, угощайтесь. – Он поставил на стол огненный чайник, швырнул пакет, посуда зазвенела. – Больше ничего нет.

– И на том спасибо. – Анна развернулась к столу, принялась разбирать пакет. – Ты присаживайся, присаживайся. Вместе чаю попьем. Поговорим.

– А я не хочу. – Он покосился на скамейку, отступил на шаг, сунул руки в карманы широких камуфляжных штанов.

– Чего не хочешь? Чая или поговорить? – Она разлила кипяток по чашкам, швырнула в них по чайному пакетику.

– И чая не хочу, и говорить не люблю. – Он криво ухмыльнулся. – Вернется дядька из леса, с ним и говорите.

– А дядька у нас кто? – Бодряков разломил жесткий пряник, сунул его боком в чашку.

– Он в лесничестве работает. Тут живет. Сейчас на объекте. Он почти всегда на объекте. Приходит ненадолго. Искупается, поест, поспит и снова в путь. А я ни при чем.

Речь в защиту самого себя далась ему странно тяжело. Он без конца переводил дыхание, ерзал взглядом по земле, не поднимая его на гостей, и медленно пятился. Отошел уже на пару метров, прикинула про себя Анна, разбалтывая ложкой сахар в чашке.

– А ты, который ни при чем, что вообще здесь делаешь? –

спросила она, кладя ложку на старый линолеум, которым был обит стол.

– Я здесь вроде гостя. Дядька в лесничестве работает. Я ему помогаю. Но не на постоянной основе, а на месяц-два. А чё? – И он уставился на них очень гадким, вызывающим взглядом.

Такие взгляды им были известны. Так на них обычно пялилась молодежь, застигнутая с запрещенными таблетками или еще с чем похуже, во время рейдов в ночных клубах. Вызывающе, гадко, надменно. Покачиваясь, ломаясь в коленях, размахивая руками, выкрикивая оскорбления, они все как один смотрели на них именно так. До тех пор, пока их не укладывали физиономиями в пол или не предъявляли обвинения. Вот тогда вся их надменность улетучивалась. Они сразу делались мягкими, покладистыми, разговорчивыми. Болтали обо всем, как под диктовку. Даже иногда плакали.

Мажор, сделала вывод Анна. Наверняка родители спихнули в лес на принудительное воспитание. А он тут…

А что он тут, действительно?

– Что-нибудь видел, слышал подозрительное в минувшие два-три дня? Может, шум какой-нибудь, крики? – Бодряков кусал от размоченного пряника, роняя крошки себе на рубашку.

– Шум? Крики? – Парень вывернул нижнюю губу, отрицательно замотал головой, задрал взгляд в небо. – Ничего такого. Тихо здесь. Особенно ночью.

– А на машинах никто не подъезжал?

– На машинах? Нет. – Вот тут он глянул на них честно. – Дядька либо пешком, либо на квадроцикле. Машина тут не пройдет, видели же.

– Ну да, ну да… Хотя если постараться, то проехать можно. – Бодряков подлил себе кипятка. Заговорил, рассеянно обводя взглядом высоченный забор. – Зверья небось тут дикого!

– Шутите! – присвистнул парень. – Нет тут никого, кроме мышей и лягушек. Ну птиц еще.

– Лягушек? – Бодряков изумленно вскинул брови. – А тут водоемы есть?

– Болото. Старое. Оно далеко. Но в тишине ночами, если ветер оттуда, лягушек слышно бывает.

– А я слышала, что здесь охотятся, – вставила Анна, потягивая невкусный чай.

До пряников она не дотронулась. Картонная коробка была старой, пыльной, пряники – слипшимися. И, судя по манипуляциям капитана, давно окаменели.

– Охотятся? – фыркнул парень вполне искренне. – На кого?

– Вот именно, – вставил Бодряков, поднимая на парня один из своих особенных взглядов, заставляющих ежиться даже Анну. – На кого, как думаешь, тут можно охотиться, если зверья нет? Зверья нет, а люди пропадают. Что с этим местом не так, парень?

Еще два шага назад. Нервное дерганье кадыка. Судорожный вдох-выдох.

– Не знаю я ничего, – выпалил молодой человек. – Никого не видел. Ничего не слышал.

– Ну и ладно. Чего ты так разнервничался-то? – Бодряков стряхнул с рубашки пряничные крошки. Выпил остатки жидкого чая. Глянул на Анну. – Где у нас карта-то, лейтенант?

Аня порылась в сумочке, достала карту заказника. Сдвинула со стола посуду и пряники. Расстелила карту.

– Вот смотри, парень, сюда. – Бодряков ткнул пальцем в жидкую полоску на плотной бумаге. – Это дорога, которая ведет от трассы к вашему лесничеству. Здесь и обрывается. Так?

– Наверное. – Он глянул издали, вытянув шею. – Не очень я силен в топографии, товарищ полицейский.

– Вот эта дорога, – Бодряков повел указательный палец параллельно предыдущей линии, – идет чуть восточнее и тянется аж до самого болота. Так?

– Наверное. – Шея парня заняла привычное положение, взгляд сделался скучным. – Я по ней ни разу не ходил. Зачем мне?

– Может, и так, – миролюбиво пробубнил Бодряков и повел пальцем по черте второй дороги в обратном направлении. – И вот эта параллельная дорога, заканчивающаяся на болоте, вполне проходима для автомобиля. Во всяком слу-

чае, километров сорок, тридцать от трассы по ней можно ехать.

– Не ездил! – грубо отозвался парень.

И вдруг принялся убирать со стола. Схватил пыльную коробку с несвежими пряниками, бросил в пакет. Сахарницу следом, чайные ложки. Чашки с недопитым чаем туда же, мало заботясь, что из пакета тут же потекло. Схватил чайник и пошел.

– Я и не говорю, что ты по ней ездил, – Бодряков скроил противную улыбку и крикнул в спину парню, скорыми шагами возвращавшемуся в дом: – Но ты нас туда проводишь.

Парень резко встал, будто споткнулся. Мгновение молчал, а потом, чуть повернув голову, поинтересовался тихо:

– А с чего это?

– А с того, что тебя к нам приставили. Тебе дядя твой не говорил?

– Дядя мне велел вас встретить, но ни о чем таком больше разговора не было.

Ане показалось, будто плечи парня покрылись мурашками.

– А мы ни о чем таком и не просим. – Капитан встал со скамейки и пошел к крыльцу, возле которого затормозил юноша. – Все, что нам нужно, это чтобы ты нас довел до той дороги, а там уж мы сами. К тому же твой дядя, видимо, забыл предупредить тебя.

– О чем?

– О том, что препятствие расследованию грозит наказанием. – И Бодряков потрепал его по плечу, как старого знакомого. – Иди, иди, собирайся.

Собрался он быстро. Вышел в чем и был. Захватил только фляжку с водой и клетчатую рубашку с длинными рукавами. Зачем он это сделал, Аня поняла уже через час. Час они продирались сквозь такие дикие заросли, что они с Бодряковым начали всерьез подозревать парня в намеренном отклонении от маршрута. Анна ободрала руки, левую щеку, наступила на муравьиную кучу, на нее открыли настоящую охоту комары. Ей уже было плевать на блузку, сделавшуюся мокрой, грязной, с дюжиной зацепок на плечах и спине. Сохранить бы глаза и волосы!

– Он нарочно блудит, стервец, – прошипел Бодряков, в бешенстве ломая ветку, хлестнувшую его за мгновения до этого по лицу. – Мне кажется, можно было другой дорогой идти.

– Так и шли бы, товарищ полицейский, – отозвался весело парень, услыхав. – Поверьте, это еще не самый плохой путь. Есть еще хуже. По дну оврага. Там вашей коллеге наверняка не понравилось бы.

– Это еще почему? – возмутилась Анна. – Холодно и сыро?

– Ага. А еще ужей полно. – Он обернулся на них с язвительной улыбкой.

– Там машина не пройдет, – буркнул Бодряков. – А нам

ее надо найти.

– А что хоть за машину-то ищете? – наконец-то спросил проводник, ныряя под низкую ветку старой ели. – Угнали у кого?

– Нет. Не угнали.

Бодряков тоже нырнул под широкую колючую лапу. Сделал два шага и очутился на грунтовой дороге, которую рассматривал на карте.

– Оп-па! Ничего себе, дорога! – воскликнул он обрадованно, поглядел вперед, назад. – Приличная дорога. Широкая. Машина вполне пройдет.

– Что за машина-то? – снова повторил парень.

Бодряков глянул на Анну. Та назвала марку и номер автомобиля.

– Не видал. – Парень покачал головой, привычно выворачивая нижнюю губу. – Говорю, тихо у нас. Здесь заказник, а не отстойник для угнанных машин.

– А машину никто не угонял, парень. На ней две пожилые женщины должны были приехать сюда на поиски… – Бодряков запнулся и, скрипнув зубами, едва слышно закончил: – Приключений.

– И что дальше? – Парень встал на дороге, широко расставив ноги, будто не хотел пускать их дальше, в глубь леса. – Нашли?

– Кого? – одновременно выпалили Анна с Бодряковым.

– Приключения нашли?

– Насчет приключений не уверен, а вот их найти не могут.

– Кого – их?

Анне показалось, что черты симпатичного лица парня, преграждающего им дорогу, будто заострились. Или это тень от старых елей падала неудачно? Или у нее просто в глазах мошки плясали от усталости? Или хотелось, чтобы этот мажор оказался причастным к исчезновению двух пожилых женщин? Или хотя бы всего лишь что-то об этом знал?

Анна так и не поняла, почему она вдруг закричала на него, подлетев к нему настолько близко, что рассмотрела капли пота над его верхней губой.

– Ты понимаешь, умник, что две старые женщины пропали! Пропали в этом чертовом лесу! В субботу утром они отправились сюда, и больше их никто не видел. Их родственники сходят с ума от беспокойства. А ты! А ты нас по кустам таскаешь без особой нужды! Вот!

Последнее слово она выкрикнула ему в лицо, как выплюнула.

Парень оторопело переводил взгляд с нее на Бодрякова и без конца тряс головой. И ничего ей не показалось. Его лицо и в самом деле было искажено странной гримасой. Распознать значение этой гримасы ей пока не удавалось. Устала, как грузчик.

– А я-то при чем? Чего орете-то? Вот дорога, ступайте по ней. – Он встал к ней боком, посторонившись.

– Товарищ капитан пойдет в том направлении, – ткнула

Анна пальцем в сторону трассы, забывшись настолько, что стала раздавать старшему по званию указания. – А ты пойдешь со мной! И никаких возражений! Понял?!

– Так точно, – с ядовитой ухмылкой ответил за него Бодряков и тут же, повернувшись к ним спиной, пошел по дороге в сторону трассы.

– Идем, – угрюмо скомандовала Анна.

Опустила взгляд на блузку.

Елки твою! Как будто марлевым мешком из-под побелки обернута. Как в город возвращаться?

– Идемте.

И они пошагали по заросшей травой грунтовке.

Следы от машины, даже если она и проезжала здесь в субботу, рассмотреть было невозможно. Трава стояла ровно, плотно. Никаких тебе сломанных веток по обочине. Никаких зацепившихся ниток. Лес как лес. Они успели прошагать ровно полтора километра, Аня включила шагомер на часах, когда ей позвонил по мобильнику Бодряков.

– О, связь появилась, – проговорил он.

И тут же потребовал, чтобы она стояла там, где стоит, и не сдвигалась с места.

– А то опять будешь вне зоны, – пояснил он. И тут же спросил: – Что-нибудь нашла?

– Никак нет, товарищ капитан, – проговорила девушка виноватым голосом, давая понять, что признает свою ошибку. – Следов на дороге нет. Поломанных кустов нет. Так же

нет следов борьбы, волочения, и…

– Зато у меня всего этого в избытке, лейтенант, – произнес Бодряков со вздохом. – Возвращайтесь. Я уже вызвал группу.

Назад она почти бежала. Парень еле поспевал за ней. Ныл и поскуливал, что стер ногу и теперь у него кровоточит волдырь и что она могла бы проявить милосердие и остановиться хоть на пару минут. Анна его не слушала.

Еще издали она угадала среди листвы высокую крепкую фигуру Бодрякова, застывшую среди берез в метре от дороги.

– Не несись, как антилопа, Малахова, все затопчешь, – крикнул он ей и предостерегающе взмахнул рукой. – А у нас здесь труп.

– Следы насильственной смерти имеются? – пытаясь отдышаться, Анна согнулась, упираясь ладонями в колени.

– Трудно сказать, – пожал плечами капитан. – Экспертиза покажет.

– В смысле, товарищ капитан? – Она выпрямилась. Уставилась издали на Бодрякова.

Он раньше с ходу мог определить: совершил ли человек самоубийство или ему помогли умереть. И ножевые ранения мог сосчитать без эксперта. И предположить, какое из них оказалось смертельным, у него выходило почти безошибочно.

– Ты подойди, Малахова, подойди, только очень аккурат-

но. Вот здесь, по бровочке. – Он ткнул пальцем в низкую траву обочины и крикнул парню: – А ты стой, где стоишь. И с места не сходи. К тебе будут особые вопросы. И к тебе, и к дяде твоему.

И добавил уже тише:

– Не мешало бы ему уже появиться.

– А как? – спросила Аня, добравшись до того места, где стоял Бодряков.

– А я уже связался, с кем надо. Ему должны были сообщить по рации, что на его участке обнаружен труп человека, предположительно женщины. – И капитан ткнул пальцем влево. – Там, Малахова. Можешь взглянуть. Только, умоляю, не наследи.

Если бы она знала, что увидит, ни за что не полезла бы в эти заросли. Подтолкнуло любопытство. С чего это Бодряков не только причину смерти с ходу определить не может, но также и пол погибшего затрудняется назвать.

Глянула и попятилась.

– Господи! – ахнула она, жалея изо всех сил, что сейчас не является просто женщиной и не может броситься на широкую грудь капитана Бодрякова и прижаться к ней лицом. Только и смогла повторить: – Господи…

– Думаю, это женщина. Не очень хорошо удается рассмотреть, но что-то вроде маникюра на пальцах рук виднеется, – бубнил между тем Бодряков, топчась на месте. – Предположительно, проделала долгий путь. Ползла на животе. Трава

туда дальше сильно смята и в грязи.

– Думаете, одна из… – у нее вдруг запершило в горле.

– Думаю, да.

– А откуда столько грязи на теле? Как… как мумия. – Анна прикусила губу.

– Это нам еще предстоит выяснить, Малахова, – произнес со вздохом Бодряков, глянул на парня, не сводившего с них взгляда. – И думаю, найдутся люди, которые смогут пролить свет на события последних дней в этом замечательном тихом месте.

Глава 7

– Я не могу.

Она отвернулась от него, уставилась на блестевшую от полива траву газона, ссутулилась. Тут же всхлипнула и повторила:

– Виктор, я не могу.

– Чего ты не можешь, девочка моя.

Он подошел близко. Опасно близко. Она чувствовала его дыхание на своей голой шее. Не надо было убирать волосы так высоко. Не надо было обнажать шею. И сарафан не надо было надевать на встречу с ним. Сгодилось бы платье поскромнее. В этом сарафане, купленном назло Лешке пару дней назад на распродаже, она была почти что голая. Руки, плечи, спина до лопаток, ничто не прикрывалось тонким батистом в голубой цветочек. И очень откровенный вырез спереди.

О чем она думала вообще, надевая этот сарафан на встречу с Виктором? Лешу хотела позлить. Мечтала, что он взбесится, примется ее ревновать, запрет дома и наговорит ей много разных слов, после которых она будет считать виноватой во всем только себя. И успокоится наконец.

Она же знала, за кого выходила замуж? Знала. Он не был богатым, никогда не занимался предпринимательством. И даже не мечтал об этом. Он получил блестящее образование.

Был неплохим специалистом. Работал за зарплату, отсиживая в офисе положенные восемь часов. Потом с радостью летел домой, потому что там были они – его семья. Он мог часами возиться с детьми. Мог часами смотреть на нее, когда она что-то делала по дому. Он любил их. Просто любил. И всегда был рядом.

Разве ей этого мало?! Мало для полного счастья?

Почему он непременно должен был начать зарабатывать миллионы? Почему должен был желать везти их за границу бизнес-классом? Почему должен был швырять жемчуг к ее ногам?

Он ведь никогда ей этого не обещал, разве нет? Не обещал.

Он обещал любить ее вечно. И заботиться. И заботился как мог. Укрывал ночью одеялом, если она раздевалась. Вставал к детям, когда они просыпались. По утрам варил ее любимый кофе и приносил в постель. И смотрел на нее с нежной улыбкой.

Разве ей этого мало?! Его любви: чистой, искренней, бескорыстной?!

Вот что должен был сказать ей Леша, наблюдая за ее сборами. А он ничего ей из этого не сказал. Он держал на руках их младшего, баюкая, и смотрел на нее с упреком, и только. Ребенок уснул. Он положил его в кроватку и вышел из их спальни. Лариса пошла за ним. Встала к нему спиной и потребовала:

– Застегни.

С потайной молнией на спине сарафана она вполне могла справиться и сама, это было легко. Сложнее было взбесить ее уравновешенного супруга. Он словно оцепенел, наблюдая за ее сборами. И молчал.

Молнию он ей застегнул. И тут же ушел к старшим детям, занявшись с ними какой-то возней. Он сбежал, струсил, укрылся за ними, не дав ей возможности встряхнуть его как следует. И она ушла.

Села в машину, которую прислал за ней Виктор, и поехала к нему за город для важного разговора.

О чем она думала вообще?! В какой момент сошла с ума?! Когда развалились летние кроссовки у старшего ребенка или когда сгорел утюг, а на новый не было отложено? Когда ей остро захотелось перемен в своей жизни, которую она прежде считала вполне нормальной? Как у многих миллионов других таких же, как она, женщин.

Виктор встретил ее у ворот. Отослал водителя и проводил ее на веранду, где было накрыто на две персоны.

Хрустящая белоснежная скатерть, ниспадающая красивыми складками до самого пола. Красивая посуда. Увитый цветами подсвечник, на ее взгляд, совершенно неуместный в такое время суток. На отдельном столике несколько блюд, накрытых сферическими блестящими крышками.

– Присаживайся, дорогая. – Виктор помог ей сесть на стул с высокой спинкой. – Спасибо, что откликнулась на мою

просьбу. Как Алексей?

– А что Алексей? – Она нервно дернула плечами, сильно жалея, что они не прикрыты тканью одежды.

– Как он воспринял все это? – Виктор повел вокруг себя руками. – Ты ведь никогда не приезжала ко мне одна, Лара.

– Спокойно воспринял, – пробормотала она.

И про себя подумала, что слишком спокойно. Чересчур спокойно!

– Он не догадывается, для чего я тебя сюда пригласил?

Ее отчим, которого она с детства привыкла считать своим другом, поставил локоть на стол, глянул с натянутой улыбкой.

Он вообще показался ей сегодня каким-то излишне натянутым. Начиная с одежды, которая сидела на нем слишком туго, заканчивая поведением. Манерная речь, странные улыбки.

– Нет, не догадывается, – соврала Лариса, которая выболтала Лешке о намерениях Виктора сделать ее своей женой.

Виктор, правда, конкретного предложения ей пока не делал. Просто намекал. Последнее время все чаще и настойчивее. Но Лешку-то она должна была позлить!

– Ага… – Виктор принялся перекладывать свои столовые приборы, смещая их по столу на сантиметр в сторону. – Значит, наше с тобой решение будет для него полной неожиданностью?

– Какое решение, дядя Витя? – Лариса моргнула раз-дру-

гой, скроив ту самую невинную мордашку, которая часто спасала ее в детстве от наказаний. – Давай поедим, а? Из-под этих крышек доносится такой запах, что я сейчас слюной захлебнусь.

Он принял подачу. Вскочил, засуетился. Начал накладывать ей в тарелки жаркое со сложным гарниром, овощи. Они принялись за обед. Все время шутили, говорили ни о чем. Виктор пил белое вино. Лариса от спиртного отказалась. Когда перешли к десерту, она даже немного успокоилась. Виктор помалкивает, может, и пронесет. Может, он понял, что не должен, не имеет права на нее давить. И не станет требовать от нее немедленного ответа.

Не пронесло.

– Ты должна выйти за меня, дорогая Лара, – проговорил он как-то походя, откинувшись на высокую спинку стула и поигрывая десертной ложкой.

– Что?

Она поперхнулась невероятно воздушным белковым суфле и закашлялась. Постучала себя по груди. Спросила задушенным голосом:

– Что я должна?

– Ты должна стать моей женой.

Это не было вопросом, предложением, это было требованием. Она должна!

– Кому должна? – Лариса выпрямила спину, скомкала хрустящую белоснежную салфетку.

– Себе прежде всего. Детям. Мне. – Виктор вытянул под столом ноги, затянутые в тесные белые джинсы. Холодно глянул. – Я и так слишком долго ждал.

– Ждал чего?

Честно? Ей хотелось сейчас сорвать со стола скатерть и завернуться в нее, чтобы не ощущать себя такой обнаженной под его взглядом. Дура! Натворила дел!

– Тебе было четырнадцать, когда я влюбился в тебя, Лара. Как в женщину. Очень юную. Прелестную. Ранимую. И я не посмел оскорбить тебя даже намеком на свои чувства. Я просто ждал. Как видишь, достаточно долго ждал. Больше ждать я не намерен. Я люблю тебя. Давно люблю. И намерен сделать тебя своей женой. А твоих детей – своими.

Слова любви выходили у него грубыми, жесткими. Они совсем не походили на нежный Лешкин шепот, от которого у нее кружилась голова и хотелось смеяться. Виктор говорил с ней тем же самым голосом, которым вел оперативные совещания на своей фирме. Она как-то присутствовала, запомнила.

– Резюмирую, дорогая. – Виктор воткнул десертную ложечку в самый центр воздушного суфле, застывшего розочкой на тарелке. – Ты должна выйти за меня. Ответа «нет» я не приму. Только «да» или…

Она сорвалась с места, сбежала по ступенькам с открытой красивой веранды и помчалась к воротам. Он догнал ее быстро. Схватил за руку, дернул. Приказал остановиться.

– Я не мальчик, Лора, – прошипел он. – И я не твой размазня Леша. Со мной так нельзя. Ты благосклонно принимала мои ухаживания в течение последних месяцев. Я не раз намекал тебе, что готов взять всю ответственность за тебя, за детей. Не прикидывайся, что ты ничего не понимала. Ты улыбалась мне. Хорошо, правильно улыбалась.

Она молчала, низко опустив голову.

– И теперь ты убегаешь? Как это понять?!

Виктор шумно дышал. Белоснежная спортивная кофта, впившаяся в его тело, казалось, лопнет сейчас по швам от его дыхания.

– Я не могу, – сказала она тогда.

И тут же поежилась, он приблизил свои губы настолько, что его дыхание обожгло ей шею.

– Чего ты не можешь, девочка моя?

Он стоял сзади, почти прислонившись к ее спине, и ей было противно.

Да, он прав. Она вела себя совершенно глупо и неосторожно, когда он осыпал ее и детей подарками и делал недвусмысленные намеки.

Она от скуки заигралась, как сказала бы ее мать, бросившая этого опасного человека.

Всему виной послеродовая депрессия, покивала бы головой одна из молодых мамаш, с которыми они вместе катали детей в колясках в сквере.

Лариса понятия не имела, что такое послеродовая депрес-

сия. Усталость и раздражение от вечной нехватки денег и домашних забот преследовали ее, даже когда дети заметно подрастали.

– Чего ты не можешь? – с нажимом повторил Виктор и положил ладони на ее голые плечи.

– Я не могу бросить Лешку, – выпалила она первое, что взбрело в голову.

Стряхнула его руки, отскочила на пару метров, повернулась к отчиму.

– Я не могу его бросить, дядя Витя.

– Почему? – Его загорелое лицо с туго натянутой на скулах кожей сделалось желтым, побледнев. – Почему?

– Я люблю его, – сказала Лариса и тут же поняла, что это чистая правда. Улыбнулась и повторила: – Я люблю его.

Отчим шагнул к ней. Его тень на ухоженном газоне показалась ей уродливой.

– А мне плевать, любишь ты его или нет! Плевать! – произнес он, скрипнув зубами. – Ты выйдешь за меня, Лара. Выйдешь.

Его белоснежные тугие одежды поскрипывали, когда он медленно подходил к ней. Сильные загорелые руки отчима потянулись к ее талии. Лариса еле успела отбежать.

– Не надо, дядя Витя, – попросила она и предостерегающе выставила руку. – Не надо!

– А то что? – Карие глаза отчима смотрели зло и холодно. – Леше пожалуешься?

– В этом нет никакой необходимости. Леша все слышит, Виктор, – раздалось из-за высоченной живой изгороди.

И через мгновение Лешка выбежал на газон, отряхивая старенькие джинсы. Лариса оцепенела.

Он что, следил за ней? Молча отпустил из дома, чтобы последовать за ней и…

И что дальше?!

А дальше Лешка подошел, встал между ними и повторил:

– Леша все слышал, Виктор. Поэтому…

– Что?

Виктор с насмешкой смотрел на молодого парня в ветхих штанах и застиранной майке. В кедах с наметившейся дыркой на месте большого пальца правой ноги. Видимо, часто пинает этой ногой мяч, играя с детьми. Именно правой. И бицепс на правой руке крепче, чем на левой. Леша правша. Это следует запомнить.

– Поэтому отвали! – повысил Леша голос и задвинул за спину Ларису, порывающуюся что-то сказать.

– В смысле, отвали? – Виктор чуть выставил вперед правую ногу, сжал правый кулак, напрягся.

– Отвали от нашей семьи. Оставь нас в покое. Чего непонятного?

Лешка был лопухом. Пусть много моложе его самого, крепче и симпатичнее. И ему не нужны были косметические процедуры, которыми он сам увлекся год назад. И долгие тренировки ему не нужны были тоже. Все компенсировала

молодость. Но все же он был самым настоящим лопухом. И конечно, пропустил удар в челюсть, которым Виктор его наградил.

Отлетев на метр, он упал на траву и застонал, заслоняя лицо локтем. Лариса заметалась.

– Как ты можешь?! За что ты его ударил?! – закричала она, приседая рядом с мужем и пытаясь заглянуть ему в лицо.

– Хотя бы за то, что он проник на частную территорию.

Виктор с напряженным вниманием осматривал ее обнаженные лопатки, нежную кожу плеч. Розовые пятки, мелькающие в траве.

Он не уступит!

– Я запросто мог застрелить этого парня, а потом вызвать полицию. Если бы тебя не было сейчас здесь, я бы так и сделал, – процедил он лениво, скрестив руки на груди.

Костяшки пальцев правой руки ныли, но это не беспокоило. Боль была приятной. Он был удовлетворен. Противник валялся у его ног. Он был повержен. Унижен на глазах любимой женщины. Пусть сейчас ей его жалко. Это временно. Женщины не любят проигравших.

– Это жестоко! – выпалила Лариса, вставая в полный рост.

Ее трясло от гнева и обиды, но он находил в этом особую прелесть. В том, как полыхают ее щеки, как подрагивает тяжелая грудь, едва прикрытая сарафаном. Как блестят ее полные слез глаза. Как она смотрит на него со смесью ужаса и неузнавания.

«Да, детка, да! – хотелось ему кричать в полный голос. – Ты еще многого обо мне не знаешь! Тебе еще предстоит узнать, насколько я силен и могущественен!»

– Я даю тебе три минуты, чтобы убраться с моей территории.

Виктор небрежно пнул резиновую подошву старого кеда. Леша все еще валялся на траве, закрываясь от них рукой. А может, просто солнце жгло ему глаза, вот он и положил на лицо ладонь. С этим парнем никогда не можешь знать все наверняка. Были, были в нем какие-то загадки. Чем-то он пленил Ларису.

– Убирайся, – буркнул Виктор и пошел к дому, на ходу крикнув: – Но разговор не окончен.

– Что ты этим хочешь сказать?

Виктор только ступил на третью ступеньку своей великолепной веранды, когда это услышал. Медленно обернулся и почти не удивился, обнаружив Лешку стоящим и потирающим левую скулу. Будто ничего и не было. Будто и не он только что катался по траве, постанывая.

– Я не уступлю тебе эту женщину, молокосос, – процедил Виктор сквозь зубы.

На Ларису он старался не смотреть. Он не сводил глаз с Лешки.

Его взбесило, что соперник ему улыбается. Нагло, с вызовом. Ему наверняка это дается нелегко. Скула опухла. Уголок рта кровоточит. А он улыбается!

– Ты же слышал, что Лариска сказала, – как-то притворно возмутился Лешка сквозь улыбку. – Она любит меня.

– И? И что с того?

Он спрятал руки в задние карманы белых джинсов, чтобы тут же не сбежать по ступенькам и не начать избивать это нагло скалившееся лицо в кровь. Соблазн был велик. Удержав себя, мысленно похвалил. Не время!

– Она просто думает, что любит тебя, Алексей. Она просто не пыталась любить кого-то другого.

– Тебя, что ли? – Он шире ухмыльнулся и поморщился, прикладывая руку к губам.

– Меня, – кивнул Виктор и ткнул пальцем в Ларису. – И от нее теперь уже ничего не зависит. Теперь это только наше с тобой дело, Леша.

Он по слогам произнес его имя, нарочно затянув последнюю гласную.

– Только ты и я.

– Согласен, – кивнул тот всклокоченной головой, не раздумывая ни минуты.

И даже испуганное оханье Лариски не произвело на него впечатления. И он спросил:

– Значит, дуэль?

– Поединок, Леша. Назовем наше состязание за женщину поединком, – скрыв удивление, уточнил Виктор.

Он был удивлен, да. Никогда бы не подумал, что все так просто получится. Что так легко этот олух попадется в ловко

расставленные им сети.

– Когда и где я сообщу дополнительно. – Он вытащил руки из тесных карманов и, трижды хлопнув в ладоши, закончил с удовлетворением: – А сейчас, господа, можете быть свободны.

Глава 8

– Я сожалею…

Это была самая пустая и бессмысленная фраза, которую ей всегда приходилось произносить, сообщая родственникам о нагрянувшей в их дом нежданной беде. И она ей очень не нравилась. И она часто рылась в литературных справочниках, пытаясь отыскать менее бессмысленные аналоги. Ничего не было. Или было, но очень пространно и эмоционально. А она на эмоции не имела права. Она представляла Закон и Порядок. И должна была быть собранной, вежливой и лаконичной.

Именно поэтому, сидя сейчас в квартире погибшей Марии Сергеевны перед ее убитым горем сыном, Аня уже трижды повторила:

– Я сожалею.

Мужчине, который прятал от нее глаза за сложенной ковшиком ладонью и странно дергался, сидя на стуле в кухне матери, на вид было лет сорок пять – пятьдесят. На самом деле ему было немногим за тридцать. Если точнее – тридцать пять лет было сыну погибшей Марии Сергеевны Никулиной. А выглядел он старше своих лет по причине периодических запоев, с которыми тщетно боролись его мать и бывшая жена, так и не успевшая нарожать ему детей в браке.

– Я один… Я остался совершенно один! – стонал Генна-

дий, вздрагивая всем телом каждые пять минут. – Как же я теперь, а?! Как же?!

Анна украдкой глянула на часы. Она здесь уже полчаса и все без толку. Геннадий не шел на контакт. Умышленно он это делал или по причине глубокого нервного потрясения, оставалось только догадываться.

– Расскажите, – вдруг произнес он вполне нормальным голосом, даже чуть требовательно. – Расскажите мне, как она умирала?

– Я ведь уже ознакомила вас с актом экспертизы. – Анна удивленно приподняла брови.

– Я хочу услышать это от вас! – из-под ладони ковшиком на нее глянули два мутных глаза. – Разве сложно объяснить мне нормальным, человеческим языком? Безо всяких специфических непонятных терминов? А?!

Она по памяти повторила заключение эксперта своими словами. Потом снова попыталась поговорить с сыном погибшей женщины. Ничего не вышло.

– У меня ничего не вышло, товарищ капитан, – буркнула она в телефон, стоя у окна на лестничной площадке.

Она только что вышла из квартиры Никулиных, и ей требовалось время, чтобы прийти в себя. И поддержка старшего товарища. Но тот не счел это необходимым.

– Плохо, Малахова, – только и ответил ей Бодряков. – Ты даже не узнала, есть ли у парня алиби на время смерти его матери.

– Александр Александрович! – возмущенно крикнула она.

Ее крик отозвался эхом в гулком подъезде. И она повторила чуть тише:

– Александр Александрович!

– Я! И что? Что это меняет? – хмыкнул он. – Алиби есть у него или нет?

– Он путается в показаниях, товарищ капитан. То ли правда пил с вечера субботы по понедельник, то ли начал уже в пятницу. Он не помнит.

– Зато дочь и зять Голубевой помнят отлично, что он явился к ним поздним вечером субботы абсолютно трезвым.

– Помнят.

– И помнят его метания в воскресенье. Будто он куда-то ездил на машине своей матери. Искал будто даже. Он что по этому поводу говорит?

– Жмет плечами, говорит, что все из головы вылетело. Плачет и трясется. – Анна вздохнула. – Что мне делать, товарищ капитан?

– Отправляйся по соседям, Малахова.

Бодряков сочувственно вздохнул. Данный вид опроса хорош, когда происшествие случилось непосредственно по месту жительства. Сейчас что они могут ей сообщить? Каким человеком была при жизни Мария Сергеевна Никулина? Что это даст? Да почти ничего. Каким бы человеком она ни была, ее больше нет. Как показывает практика, многие в таких

случаях начинают сочувствия ради восхвалять погибшего. Порой и незаслуженно. Кто ругает, как правило, просто вымещают скопившееся зло. Попросту – сплетничают. И выцедить из всего этого словесного хлама пользу ох как трудно. Он лично этим заниматься ненавидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.